

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Институт реабилитации в уголовном судопроизводстве: современное состояние, проблемы и пути их решения»

Обучающийся

Е.Е.Мартынова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, доцент, Н.А. Блохина

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Теоретические и законодательные основы института реабилитации в уголовном судопроизводстве.....	6
1.1 Понятие и сущность института реабилитации в уголовном судопроизводстве.....	6
1.2 Правовые основы института реабилитации в уголовном судопроизводстве.....	20
Глава 2 Процессуальный механизм института реабилитации в уголовном судопроизводстве	30
2.1 Особенности и проблемы института реабилитации по уголовным делам публичного обвинения	30
2.2 Особенности и проблемы института реабилитации по уголовным делам частного обвинения	40
Глава 3 Совершенствование института реабилитации в уголовном судопроизводстве	50
3.1 Меры совершенствования института реабилитации в уголовном судопроизводстве.....	50
3.2 Практика возмещения вреда реабилитированным судами и пути ее совершенствования	56
Заключение	66
Список используемой литературы и используемых источников.....	68

Введение

Правовое государство начинается с построения законодательных основ защиты прав человека и гражданина, а также выполнения таких законодательных предписаний всеми участниками, включая как самими гражданами, так и всеми уровнями государственных органов и должностных лиц.

В статье 53 Конституции РФ утверждается, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц [15]. Глава 18 УПК РФ законодательно закрепляет правовые отношения в сфере реабилитации граждан в уголовном судопроизводстве. «Лицо, подвергшееся незаконному или бесосновательному уголовному преследованию, в результате может лишиться таких благ, как: материальные, социальные, имущественные, а также здоровье, время и так далее» [8]. Пункт 1 статьи 133 УПК РФ гласит, что «вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда» [52]. Основания возникновения права на реабилитацию законодательно закреплены и перечислены в пункте 2 статьи 133 УПК РФ.

«В уголовном судопроизводстве, как и иной деятельности человека, возможно возникновение ошибок в отношении лиц, непричастных к совершению преступных деяний» [8]. Обеспечение прав и законных интересов граждан, подвергнутых уголовному преследованию, являет собой лейтмотив для развития демократических постулатов. В связи с этим представляется необходимым анализировать уголовно-процессуальные нормы, регулирующие институт реабилитации и порядок его применения, для обнаружения существующих проблем, и находить пути к их решению.

Наличие проблем и вопросов в сфере реабилитации в уголовном судопроизводстве приводят к тому, что судебная практика не имеет

единообразия. Подтверждением этому является постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 года № 17, так как положения, отраженные в данном постановлении, демонстрируют существование множества проблем в данной сфере [39]. Необходимость усовершенствования современного института реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации демонстрирует нужность и своевременность исследования и составляет ее актуальность.

Цель работы – исследование и анализ правовых норм, регулирующих реабилитацию лиц в уголовном судопроизводстве, и определение способов совершенствования института реабилитации в уголовном судопроизводстве путем развития функциональных основ.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- определить теоретические и законодательные основы института реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации;
- определить процессуальный механизм реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и выявить его проблемы;
- сформировать предложения по развитию института реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Объектом исследования являются урегулированные законодательством общественные отношения, возникающие в сфере реабилитации граждан.

Предметом исследования являются нормы уголовного законодательства Российской Федерации о реабилитации граждан в уголовном судопроизводстве, доктринальные исследования и судебная практика в указанной сфере.

В процессе написания магистерской диссертации были использованы как общенаучные методы исследования, так и частно-научные, включая логический метод, дедуктивный и индуктивный метод.

Теоретической и нормативно-правовой базой исследования выступают

нормы уголовно-процессуального права и иные законодательные акты, научные труды, монографии, диссертации и научные статьи по теме исследования.

Научная новизна исследования представляет собой авторский подход к теме исследования, а также обращение с современными научными источниками.

Структурно исследование состоит из введения, основной части, включающей в себя три главы, в каждом из которых по два параграфа, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Положения, выносимые на защиту:

- обосновано предложение по изменению ч. 1 ст. 397 УПК РФ для реализации реабилитированным своих прав в случае, если суд ошибочно в оправдательном приговоре не указал о возникновении права на реабилитацию при наличии на то законодательных оснований;
- предложено внесение в ч. 1 ст. 135 УПК РФ изменений для расширения условий, подлежащих восстановлению в рамках возмещения имущественного вреда для лиц, кто на момент необоснованного уголовного преследования не был трудоустроен, а также для возможности возмещения конфискованного имущества в рамках предварительного расследования;
- рассмотрены изменения в уголовно-процессуальное законодательство для возможности возмещения морального вреда в рамках уголовного, а не гражданского, процесса;
- предложены изменения в ст. 136 УПК РФ для устранения правовых коллизий между уголовным и гражданским законодательством;
- обоснованы изменения уголовно-процессуального законодательства для возмещения вреда, полученного в ходе незаконного уголовного преследования, в результате действий частного обвинителя.

Глава 1 Теоретические и законодательные основы института реабилитации в уголовном судопроизводстве

1.1 Понятие и сущность института реабилитации в уголовном судопроизводстве

Весь уголовный процесс Российской Федерации имеет своей целью достижение и поддержание общественного благополучия путем борьбы с преступностью. Уголовная и уголовно-процессуальная деятельность государственных органов направлена на достижение задач, заключающихся в достижении истины и защите прав человека.

Ошибки в уголовном процессе существуют, как и в любой иной сфере деятельности человека. Можно сказать, что сама уголовная деятельность государственных органов производится в обстановке информационной скудности и неопределенности. Ошибки могут быть совершены как по неосторожности, так и умышленно.

Уголовно-процессуальной деятельности присущ большой комплекс способов принуждения государством, ввиду чего может реализовываться конфликтная обстановка между государством и его гражданами. С учетом этого, мнение социума сводится к тому, что уголовный процесс должен осуществлять деятельность не только по борьбе с преступностью, но и по защите от незаконного или необоснованного преследования невиновных лиц.

Достижение комплексного и качественного существования человека в социуме вследствие применения к нему мер государственного принуждения, обусловленных незаконным уголовным преследованием, является целью института реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Для отражения понятия «реабилитация» представляется необходимым раскрыть основы его формирования. Как утверждал Миролюбов Никандр Иванович, французский легист Блейнианус самым первым использовал

данное понятие [21]. Использование данного термина было связано с сформировавшимися в те годы институтом помилования и снятия судимостей, а позднее и в восстановлении его правоспособности.

Сам термин «реабилитация» восходит к позднелатинскому слову «rehabilitation» (позднелат. *rehabilitatio* – восстановление, от *rehabilito* – восстанавливаю) [47]. Значением слова «реабилитация» согласно Толковому словарю Ушакова Дмитрия Николаевича является «восстановление прежней, незапятнанной репутации, опровержение обвинений», а также «снятие обвинения и полное восстановление в правах по суду» [54].

Современные словари русского языка более полно отражают значение данного понятия. Так, Большой академический словарь раскрывает несколько определений термина:

- «Восстановление чести, репутации неправильно обвиненного или опороченного лица;
- Восстановление (по суду или в административном порядке) в прежних правах» [47].

Орлова А. А. справедливо отмечала, что современное значение термина «реабилитация» очень разнится с его первоначальным смыслом, вкладываемым во времена зарождения данного института, а также что для приобретения современного смысла данного термина институту реабилитации пришлось претерпеть существенные изменения ввиду его развития [33].

Существовавшая в Российской империи юридическая наука исследовала данное понятие ввиду плохой развитости института реабилитации. Скорому развитию института реабилитации в значительной мере препятствовала сама форма реализации уголовного процесса. Тех принципов уголовного права, что существуют в современное время, не существовало, либо они реализовывались в несколько измененном виде. Так, отличительными чертами уголовного процесса того времени являлись отсутствие гласности, игнорирование мнения социума, тайность. Для защиты от незаконного и необоснованного преследования требовались иные меры охраны, такие как

формирование теории и практики доказывания и контроль со стороны судебной власти.

Обратной стороной дореформенного уголовного процесса являлись изъяны и проблемы, характерные для инквизиционного уголовного процесса. В таких условиях реабилитация лица подразумевалась не как реабилитация в современном виде с восстановлением прав невинному лицу и возмещению ему вреда, а как восстановление прав уже обвиненного лица, без установления невинности. Институт реабилитации в те годы был аналогом помилования и амнистии. Розиным Н.Н. утверждается, что главной задачей реабилитации того времени являлось восстановление правомочности и правоспособности лица, а концепции возмещения нанесенного имущественного и морального вреда не существовало [45].

Ввиду существования проблем самого дореформенного уголовного процесса императором Александром II была проведена Судебная реформа 1864 года, что дало толчок к развитию института реабилитации и пониманию того, что нарушенные имущественные права реабилитированных лиц должны возмещаться.

В конце XIX века начинают создаваться частные благотворительные фонды для денежной и имущественной помощи лицам, чье уголовное преследование было признано судом незаконным или необоснованным. Например, «в 1873 г. сенатором Н.А. Буцковским Санкт-Петербургскому окружному суду было завещано 50 тыс. руб., доход с которых был предназначен для этих целей. В отчетах об использовании денежных средств Н.А. Буцковского говорится о том, что с 1884 по 1890 г. с просьбой о пособии обращались 78 лиц, получили пособие 56 человек. За это время было выдано 3968 руб. 50 коп. С 1890 по 1896 г. пособие получили 93 лица, общая сумма вознаграждения для них составила 7477 руб. 60 коп. Самое крупное единовременное пособие одному лицу не превышало 400 руб., самое маленькое – 5 руб.» [45].

Из вышесказанного можно прийти к итогу о том, что в Российской

империи возмещением причиненного вреда, обусловленного необоснованным уголовным преследованием, занимались в большей степени частные лица, а само государство не выполняло данной функции за редким исключением. Так, в 1819 году произошел исключительный случай, когда четверых дворовых рабочих приговорили к каторжным работам за убийство дворянки, а позже, ввиду признания их уголовным судом невиновными, в 1823 году получили денежную компенсацию в размере 2000 рублей каждому [49].

С приходом советской власти, ввиду государственной политики, направленной на изменение и улучшение общественно-экономической жизни населения и политической сферы, начали развиваться условия для эволюции института реабилитации. Так, Ленин В.И. в своих трудах утверждал, что орган судебной власти нужен, как минимум, для того, чтобы была реализована возможность оправдания и реабилитирования невиновных [17].

В то же время, в советское время для развития института реабилитации являлось существенной преградой то, что для реабилитации невиновного лица государству требуется признать ошибочность своих действий, выразившихся в необоснованном уголовном преследовании.

Уголовное право СССР обозначало реабилитацию как «восстановление в прежнем состоянии невиновного лица, которое было привлечено к уголовной ответственности необоснованно» [18].

В современной России для обозначения термина «реабилитация» было предпринято множество подходов ввиду того, что каждый автор в юридической литературе старался наиболее полно прояснить те стороны и критерии термина, которые представлялись автору наиболее важными и значимыми. Проанализировав существующие научные труды, можно отразить 3 главных точки зрения на данный термин.

Безлепкин Б.Т. в своих трудах считает, что реабилитация есть «оправдание судом подсудимого или прекращение уголовного дела в отношении осужденного, обвиняемого, а также подозреваемого, за отсутствием события или состава преступления, ввиду недоказанности

участия обвиняемого в совершении преступления, а равно по другим основаниям, представляющим собой различные варианты перечисленных условий и обстоятельств» [3].

Исходя из данного определения можно прийти к выводу, что Безлепкин Б.Т. соотносит «реабилитацию лица с его оправданием, либо с прекращением уголовного дела по реабилитирующим основаниям» [8]. Несомненной положительной стороной определения можно назвать то, что явно и точно перечислены лица, имеющие право быть реабилитированными.

Несмотря на преимущества данной трактовки термина, в юридической науке он сталкивался с критикой от других авторов. Так, Подопригора А.А. в своей работе утверждал, что «субъектами права на реабилитацию ... признает только неправильно осужденных лиц. Следуя такой логике, можно было бы утверждать, что оправдательный приговор, вынесенный судом первой инстанции, не является правовым основанием реабилитации» [34].

Действительно, данная трактовка имеет и обратную сторону медали. Ввиду своей узости и ограниченности сам термин «реабилитация» не раскрыт полностью и со всех сторон, а само значение термина сводится только лишь к оправдательному приговору. Однако реабилитация невиновного лица не сводится только к его оправданию, наоборот, оправдательный приговор представляется стартом к началу реабилитации лица, необоснованно привлеченного к уголовной ответственности. Необходимо заметить, что в институт реабилитации входят также и правовые последствия самого оправдательного приговора, в связи с чем такая трактовка термина не представляется подходящей для современной юридической науки.

В связи с вышесказанным была выдвинута иная позиция к определению термина. Так, Бойцова Л.В. обозначает реабилитацию как «возвращение утраченных прав и преимуществ, ликвидацию правоограничений, связанных с незаконным привлечением к уголовной ответственности, лишением свободы, неоправданным осуждением невиновных лиц, незаконным применением принудительных мер медицинского характера, а также восстановление

правоспособности на будущее время» [4].

Подобный термин соотносится с действующим российским уголовно-процессуальным законодательством. В то же время у некоторых авторов возникает вопрос, «насколько уголовно-процессуальное законодательство соотносится с действующей Конституцией Российской Федерации» [2]. Отмечается, что «дискуссии по данному вопросу также находят свое отражение в юридической современной литературе» [2]. Остается невыясненным, если, согласно Конституции Российской Федерации, права человека являются неотчуждаемыми и принадлежат ему с рождения, можно ли говорить об отчуждении и возвращении этих прав. Можно привести пример с лишением свободы человека – осужденный не лишается права на свободу, а ограничен в его использовании. Само ограничение права предусматривается лишь в установленных законодательством случаях.

Кроме того, у данной трактовки есть и другие минусы. Несмотря на то, что данное определение более полно и широко в сравнении с первым подходом поясняет сущность реабилитации лица, необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, просматривается неполнота этой трактовки. Так, Бойцовой Л.В. не указаны такие важные составляющие части института реабилитации как возмещение имущественного и морального вреда. Действующее российское законодательство предусматривает возможность возмещения имущественного и морального вреда реабилитированному лицу, однако не отождествляет это возмещение с самим фактом реабилитации.

С учетом вышесказанного и учитывая достоинства и недостатки первой и второй позиции, была сформулирована третья точка зрения, более широко и полно поясняющая суть такого термина как «реабилитация». Несмотря на свою краткость, она включает в себя все стороны, что не были затронуты в предыдущих позициях авторов. В своих трудах Зинькевич В.В. отмечал, что реабилитация состоит «в реальном устранении тех вредных последствий, которые наступили в результате расследования уголовного дела» [12].

Исходя из лингвистического смысла самого слова «реабилитация», можно сделать вывод о том, что лицо, необоснованно или незаконно подвергнутого уголовному преследованию, необходимо вернуть в начальное состояние, в котором он находился до привлечения его к уголовной ответственности. Представленное в третьей точке зрения определение включает в себя все детальные составляющие, которые входят в систему института реабилитации, а именно: оправдательный приговор, восстановление правомочности и правоспособности лица, а также возмещение имущественного и морального вреда лицу в том случае, если оно выразило такое желание.

Последствия необоснованного или незаконного уголовного преследования лица проявляют себя с различных сторон. Судебная система Российской Федерации призвана восстанавливать справедливость на территории государства, и несправедливое решение, исходящее от такого органа, не может не вызывать негативных последствий. Так, подобные решения вызывают недоверие к представителям судебной власти, другим государственным органам и государству в целом. Несоблюдение законодательства государственным органом приводит к неуважению и несоблюдению законодательства самим населением этого государства. Ввиду этого компенсирование имущественного и морального вреда представляется значимой частью системы реабилитации.

В юридической литературе подвергается критике и официальный, установленный законодательно термин слова «реабилитация». Так, Орлова А.А. считает, что «понимание реабилитации как порядка восстановления прав и возмещения вреда (реализованное в нормах действующего УПК РФ), указывает лишь на один аспект, который, хотя и является элементом, тесно взаимосвязанным с реабилитацией, но не отражает ее сущности и значения, искажает ее истинный смысл, состоящий в оправдании лица, восстановлении его честного имени, порождающих право на возмещение вреда, подлежащее реализации в случае волеизъявления

реабилитированного» [33].

Необходимо отметить опыт зарубежных стран по вопросам реабилитации лиц, подвергшихся незаконному или необоснованному уголовному преследованию.

«В Соединенных Штатах Америки и Великобритании термин «реабилитация» отражает восстановление правомочности и статуса лица, подвергнутого необоснованному или незаконному преследованию. Так, в Словаре новых слов американского языка Н. Уэбстера реабилитация соотносится и коррелирует с восстановлением утерянной репутации» [64].

Оксфордский правовой словарь определяет реабилитацию как «о принципе, согласно которому человек, осужденный за какое-либо серьезное преступление, по истечении определенного периода времени заслуживает такого обращения, как если бы он никогда не подвергался наказанию» [63]. Данная формулировка соотносится с формулировкой российского уголовно-процессуального права.

Необходимо отметить, что в англоязычных странах реабилитацию довольно часто называют экзонерацией (англ. exoneration от латинского «exonerare», что в переводе означает «освобождать»).

Термин «уголовная реабилитация» в англоязычных странах используется широко и в дифферентных способах, сильно разнящихся по своим концепциям и условиям. Кроме того, в юридической зарубежной литературе довольно часто ведутся дискуссионные вопросы о том, стоит ли или не стоит реабилитировать уголовных правонарушителей. Неточное использование указанного термина проявляется, например, в работах Теда Хонерик, который писал, что ««ряд взглядов рекомендуют наказание или какую-либо другую практику для борьбы с преступностью на том основании, что она исправит, реабилитирует, излечит, улучшит или вылечит правонарушителей» [65].

В Англии, например, термин «реабилитация» в уголовном праве «используется в том числе и для излечения справедливо осужденных лиц от

алкогольной и наркотической зависимости и прочих болезней, интеграция осужденных в общество» [66]. Остановимся на термине «реабилитация» только в том значении, в котором оно используется по отношению к лицам, незаконно или необоснованно привлеченным к уголовной ответственности.

В Соединенных Штатах Америки реабилитация лиц, незаконно или необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, является одним из важнейших и ключевых задач юридической науки по причине того, что в указанной стране действует смертная казнь. За последние годы в Соединенных Штатах Америки было выявлено множество ошибочных смертных приговоров. Это является одной из причин большого количества заключенных в камеры смертников, проводящие там годы и десятилетия.

По различным профессиональным оценкам, 90-99% осужденных в США виновны [62]. В обычной жизни данный показатель даже считается положительным, однако, с другой стороны, 1-10% осужденных были привлечены к уголовной ответственности незаконно и необоснованно, в связи с чем и стоит острый вопрос о реабилитации таких лиц.

Множество американских ученых в своих трудах ищут причины, по которым возникает необоснованное уголовное преследование. Так, Стивен А. Кригер в своей работе приводит пример необоснованного преследования. В 1982 году Марвин Андерсон был привлечен к уголовной ответственности по уголовным статьям о грабеже, изнасиловании и похищении 24-летней женщины в Вирджинии. Полиция сосредоточилась на Андерсоне, потому что он был единственным известным ей мужчиной, который соответствовал описанию жертвы: чернокожий насильник, который сообщил потерпевшей в процессе преступления о наличии у себя белой девушки. Потерпевшей было предложено выбрать фотографию преступника на опознании, где фотография Андерсона была единственной цветной фотографией и единственной фотографией с номером социального страхования. Затем жертве было предложено выбрать преступника из списка, и Андерсон был единственным человеком, включенным и в фотографии, и в список. Комиссия по

невиновности Вирджинии объяснила, что «как только жертва опознала Андерсона, ...полиция не занималась дополнительными зацепками». На суде Андерсон был обременен неэффективной помощью адвоката, поскольку у его адвоката был конфликт интересов: ранее он представлял настоящего насильника, знал, что против настоящего насильника есть доказательства, подозревал настоящего насильника, но не раскрыл ничего из этого Андерсону. Кроме того, адвокат не вызвал свидетелей, несмотря на просьбы матери Андерсона, и не запросил дактилоскопию доказательств, находящихся под стражей в полиции. На слушании Андерсона настоящий преступник признался в преступлении и предоставил подробности инцидента под присягой в суде; однако судья не счел эти показания правдивыми. В 2002 году Андерсон был окончательно оправдан с использованием доказательств ДНК [66].

Как видно из приведенного примера, необоснованное и незаконное привлечение Андерсона к уголовной ответственности возникло по целому ряду причин, возникших на всех этапах досудебного и судебного производства. Можно сделать вывод о том, что проблематика института реабилитации в Соединенных Штатах Америки стоит так же остро, как и в России.

Стивен А. Кригер приводит несколько причин необоснованного и незаконного привлечения лиц к уголовной ответственности [66]:

- неточность и недостоверность показаний свидетелей;
- ложные показания;
- доступность ДНК-тестирования;
- точность ДНК-тестирования и научные данные;
- неправомерные действия обвинителя;
- неэффективная сторона защиты;
- неэффективное представление капитала;
- неправомерные действия органов предварительного расследования;

– неточность досудебного уголовно-процессуального процесса.

Поскольку некоторые указанные причины применимы и к российскому уголовному законодательству, раскроем их.

Ошибочные и недостоверные показания свидетелей являются одной из главных причин вынесения обвинительных приговоров в случае, когда подсудимый невиновен. Ошибочность показаний свидетелей зачастую обуславливаются несовершенным способом обработки информации, в том числе визуальной и звуковой. Кроме того, ошибочность свидетельских показаний выходит в том числе из-за того, что при предъявлении для опознания, когда свидетель не уверен, правильно ли он опознал подозреваемого или нет, органы предварительного расследования дают комментарии вроде «хорошая работа, мы тоже уверены, что это он», и вследствие чего дают ложную уверенность для свидетеля при даче показаний в суде.

Дача ложных показаний производится по целому ряду причин. Так, подозреваемые и свидетели могут заведомо лжесвидетельствовать по самым разным мотивам: боязнь наступления наказания, желание сохранить в тайне соучастников, желание оставить безнаказанным виновного в преступлении, недоверие и неприязнь к органам предварительного расследования и органам государственной власти в целом.

Причины, связанные с ДНК-тестированием, неприменимы к российскому уголовному законодательству, поэтому останавливаться на них не будем.

Неправомерные действия обвинителя осуществляются умышленно или по неосторожности. Умышленные деяния прокурора наказываются в соответствии с действующим уголовным законодательством Российской Федерации. Неумышленные действия обвинителя возникают, в том числе, из-за недостаточных профессионализма и опыта, в случае дел частного обвинения – неумения.

Неэффективная деятельность защиты происходит из-за нежелания

общаться с подозреваемым, общения с ним в пренебрежительной манере, минимальная профессиональная подготовка и отсутствие опыта, неспособность привлечь необходимых экспертов, минимальное расследование дела или его отсутствие. Государственные защитники перегружены работой, в связи с чем наблюдается нехватка времени для детального и глубокого расследования всех обстоятельств дела, а для привлечения частного защитника не у всех обвиняемых есть средства.

Неправомерные действия органов предварительного расследования могут выражаться в нарушении действующего законодательства и превышении должностных полномочий, как, например, жестокие методы добычи признания из подозреваемого. С другой стороны, органы предварительного расследования могут совершать ошибки неумышленно.

Таким образом, можно выделить следующие причины незаконного и необоснованного уголовного преследования в Российской Федерации:

- неточность и недостоверность показаний свидетелей;
- заведомо ложные показания;
- неправомерные действия обвинителя;
- неэффективная сторона защиты;
- неправомерные действия органов предварительного расследования.

Одной из главных проблем, стоящих перед юридической наукой, является вопрос к какой отрасли необходимо относить институт реабилитации в уголовном судопроизводстве. Безусловным является тот факт, что вопрос об оправдании невинного выносится судом в порядке уголовного права. «Однако остается спорным к какой отрасли необходимо отнести порядок возмещения реабилитированному лицу имущественного и морального вреда, полученного в результате незаконного и необоснованного уголовного преследования. Специалисты по гражданскому праву считают необходимым относить данные правоотношения к гражданско-правовым, специалисты по уголовному праву – к уголовно-процессуальным» [8].

По данному вопросу в юридической науке имеются 3 основных

концепции.

Согласно первой точке зрения, «вопрос о возмещении морального и имущественного вреда, нанесенного в результате незаконного и необоснованного уголовного преследования, следует относить к гражданско-правовым отношениям» [48]. Объясняется это тем, что имущественная ответственность принадлежит к гражданскому процессу по своей сути, и какие-либо иные субъективные условия могут лишь изменить величину этой ответственности в ту или иную сторону, не меняя ее сути.

Данная точка зрения говорит о том, что, несмотря на природу основания – принадлежи оно к правонарушениям или к преступным деяниям – возмещение имущественного и морального вреда следует относить лишь к гражданскому процессу.

Такая концепция является спорной. Гражданское право включает в себя три группы отношений: имущественных, личных неимущественных относительно нематериальных благ и личных неимущественных относительно интеллектуального права. Поскольку эти группы связаны между собой на условиях равенства, можно сделать вывод о том, что субъекты права друг от друга юридически суверенны. При этом необходимо помнить, что «правоотношения, возникающие между субъектами права при реабилитации лица, подвергнутого незаконному или необоснованному уголовному преследованию, являются неравными между собой по своей природе. Кроме того, необходимо помнить, что такого признака как автономия воли в данном случае нет» [4].

С учетом этого в юридической науке была выдвинута следующая точка зрения: «реабилитация лица, подвергнутого незаконному или необоснованному уголовному преследованию, является системным и представляет собой комплекс» [8].

Так, Бойцова Л.В. в своей работе считала, что «оправдательный приговор, вынесенный судом, знаменует окончание уголовного процесса и закладывает основание новому, реабилитационному; возмещение

имущественного и морального вреда, нанесенного реабилитированному лицу, является отдельным процессом, связанным с оправданием, но отличным от него» [4].

Согласно этой точке зрения, уголовно-процессуальные и гражданско-правовые отношения, возникающие относительно реабилитированного лица, находятся во взаимосвязи друг с другом, но, тем не менее, являются автономными. С этой позиции проглядывается комплексный подход к системе института реабилитации.

Эта позиция является более убедительной в сравнении с первой, однако не исчерпывающей. Третья точка зрения основывается на том, что «реабилитация лица, подвергнутого незаконному или необоснованному уголовному преследованию, относится исключительно к уголовно-процессуальным отношениям» [8].

Так, Глыбина А.Н. считает, что «институт реабилитации, начиная от оправдательного приговора и заканчивая возмещением вреда, полученного в результате незаконного или необоснованного преследования, следует относить только к уголовно-процессуальному институту, поскольку сами правоотношения начинаются исходя из норм уголовного права» [8]. В связи с тем, что вред причинен реабилитированному лицу именно деятельностью государственных органов в результате уголовно-процессуальных отношений, государственным органам в рамках уголовно-процессуального института собственными средствами следует возмещать вред.

В поддержку данной точки зрения можно сказать, что оправдание незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию лица относится к уголовно-процессуальному праву. К нему же относится и восстановление доброго имени реабилитированного, как, например, сообщение указанной информации работодателю. Компенсационное звено также относится к уголовно-процессуальным отношениям, поскольку прокурор должен принести официальное извинение от имени государства реабилитированному лицу. Отношения, возникающие в результате

возмещения имущественного и морального вреда реабилитированному лицу вследствие незаконного или необоснованного уголовного преследования, сложно отнести к гражданско-правовым ввиду неравности субъектов права.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что институт реабилитации следует однозначно причислять к уголовно-процессуальным отношениям за исключением отношений, возникающих в результате возмещения полученного вреда. Денежное возмещение вреда, полученного в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования реабилитированному лицу, а также возмещение морального вреда отсылают к другим правовым отраслям, как, например, имущественное, вещественное, земельное право.

Таким образом, был произведен аналитический научный обзор на тему института реабилитации в уголовном судопроизводстве, описаны понятие и сущность реабилитации в уголовном праве, раскрыты причины незаконного и необоснованного преследования лиц, а также представлены проблемы, стоящие перед авторами в юридической науке Российской Федерации.

1.2 Правовые основы института реабилитации в уголовном судопроизводстве

Институт реабилитации играет значительную роль в системе уголовного законодательства Российской Федерации, так как в его смысле содержатся указанные в статьях 3 и 6 Уголовного кодекса Российской Федерации принципы законности и справедливости [51].

Для того, чтобы выявить проблемы в законодательстве России на тему реабилитации лиц, подвергшихся незаконному или необоснованному уголовному преследованию, требуется рассмотреть правовую нормативную базу, на которой выстраиваются соответствующие общественные отношения.

К нормативно-правовым актам, регулирующим институт реабилитации в уголовном судопроизводстве, относятся:

- Всеобщая декларация прав человека 1948 года;
- Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года;
- Конституция Российской Федерации;
- уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации;
- Гражданский кодекс Российской Федерации;
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 (ред. от 28.06.2022) «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве»;
- Постановление Конституционного Суда от 23.09.2021 № 41-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П. Атрощенко».

Всеобщая декларация прав человека 1948 года в статье 8 гласит о том, что «каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом» [6]. По своей сути указанная норма регулирует обеспечение государством гарантий правовой защиты.

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года в части 2 статьи 2 пункте 3 подпункте «а» обеспечивает предоставление государством защиты в правовом поле, включая ситуации, когда злоупотребление властью произошло исходя из государственных органов [20].

Конституция Российской Федерации в разделе 1 главе 1 «Основы конституционного строя» статье 2 объявляет человека, его права и свободы высшей ценностью, при этом признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства. В том же разделе в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина» в статье 53 указано, что

каждый имеет право на возмещение вреда в случае незаконного или необоснованного действия, или бездействия государственных органов и должностных лиц [15]. Важным является тот факт, что статья 53 по своему смыслу и сути коррелирует со статьей 52, а также в ней указано о правовой защите потерпевших от неправомерного использования власти. Указанные статьи Конституции Российской Федерации пересекаются и согласуются по своему смыслу с международно-правовыми актами, указанными выше.

В Конституциях СССР 1924 года и 1936 года не находила свое место правовая охрана человека и гражданина вследствие незаконного или необоснованного уголовного преследования. В Конституциях СССР не было никакого упоминания и об злонамеренном нарушении прав граждан официальными лицами. Лишь в 1977 году произошло существенное изменение социальной жизни граждан СССР – была принята Конституция СССР 1977 года, иначе «Брежневская», где появилась статья 58, которая в пункте 6 гласила: «Граждане СССР имеют право на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» [16]. Изменения в Конституции относительно основ конституционного строя, а именно признание человека и его прав высшей ценностью, были внесены с принятием Конституции РФ в 1993 году.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в пункте 34 статьи 5 определяет значение термина «реабилитация». Кроме того, УПК РФ пролонгируя нормы, указанные в международных документах и Конституции РФ, в статье 11 регулирует общественные отношения, возникающие в сфере охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. В пункте 4 этой же статьи указано, что «вред, причиненный лицу в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, подлежит возмещению по основаниям и в порядке, которые установлены УПК РФ» [52]. «Указанная норма является базисом для реабилитации лиц в уголовном праве. Сам

процессуальный порядок реабилитации лиц, подвергнутых незаконному или необоснованному уголовному преследованию, регламентирован главой 18 в части 1 разделе 6 УПК РФ» [8]. Глава включает в себя 7 статей с 133 по 139.

Указанная глава появилась в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР только в 1981 году. Несмотря на то, что данный термин применялся, процессуального порядка реабилитации в уголовном праве СССР до 1981 года не было. Так, в УПК РСФСР 1960 года в пункте 5 статьи 8 и в статье 385 использовался термин «реабилитация» по отношению только к умершим лицам [53].

Статья 133 УПК РФ «Основания возникновения права на реабилитацию» раскрывает в своем содержании реабилитирующие основания и список лиц, имеющих на него право. Также указаны лица, не обладающих данным правом [52]. В приведенной уголовно-процессуальной норме присутствует отсылка к гражданскому судопроизводству, таким образом, данная статья является связующим звеном между уголовным и гражданским процессом. Первой редактурой в 2002 году было удаление из списка оснований несоответствующее возрасту развитие несовершеннолетнего [55]. В 2003 году частного обвинителя исключили из данной статьи в том смысле, что его отказ от обвинения перестал быть основанием для возникновения права на реабилитацию [56]. Через 10 лет была внесена правка другого рода, в которой говорится, что в условиях частного лица правом на реабилитацию обладает либо осужденный (то есть тот, в отношении кого уже был выпущен обвинительный приговор), либо если уголовное дело было заведено без желания пострадавшего [58]. Таким образом, при возбуждении уголовного дела в порядке частного обвинения с заявлением от потерпевшего, но при признании судом лица невиновным, это лицо, выступающее как обвиняемый, исключено из списка лиц, обладающих правом на реабилитацию.

В статье 134 УПК РФ «Признание права на реабилитацию» гласит, что «право на реабилитацию в обязательном порядке должно быть документально подтверждено. Кроме того, потерпевшему должны быть даны официальные

письменные разъяснения относительно возмещения вреда, нанесенного нелигитимным уголовным преследованием, а в случае его смерти – должны быть данным близким родственникам умершего в установленные законодательством сроки» [52]. В 2007 году в статью была внесена правка, «исключающая прокурора как постановляющего права на реабилитацию» [57].

Статья 135 УПК РФ «Возмещение имущественного вреда» содержит в себе сущность и условия компенсации вреда имуществу [52].

В статье 136 УПК РФ «Возмещение морального вреда» указано одно из важнейших норм в институте реабилитации – иски относительно возмещения морального вреда предъявляются в порядке гражданского процесса. Также в этой статье содержатся нормы относительно восстановления доброго имени потерпевшего [52].

В статье 137 УПК РФ «Обжалование решения о производстве выплат» содержит в себе аспект компенсации вреда имуществу по уже вынесенному приговору, а именно что она производится только в условиях уголовного процесса [52].

В статье 138 УПК РФ «Восстановление иных прав реабилитированного» регламентирован порядок восстановления жилищных, трудовых, пенсионных и иных прав потерпевшего, а также его государственных наград и званий [52].

Статья 139 УПК РФ «Возмещение вреда юридическим лицам» несмотря на свою краткость, содержит в себе достаточно обширный объем информации. Из названия статьи не следует воспринимать какую-либо организацию как виновное или невиновное лицо, однако этой же статьей любая организация или корпорация признается как обладающая правом на компенсацию негативных последствий уголовного преследования. К таким негативным последствиям можно отнести, например, вред имуществу, полученный в ходе обысков [52].

Поскольку компенсация негативных последствий реабилитированному лицу происходит в соответствии с Гражданским кодексом Российской

Федерации, он относится к системе института реабилитации в уголовном судопроизводстве. ГК РФ обосновывает в главе 59 общественные отношения, регулирующие обязательства вследствие причинения вреда. В статье 1069 раскрывается ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами, а в статье 1070 - ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда [9]. В ГК РФ присутствуют и другие нормы, так или иначе связанные с реабилитацией лица в уголовном судопроизводстве.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 УПК РФ, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве», «обобщая и собирая в единую систему разрозненные законодательные акты, растолковывает их в целях разъяснения. В данном документе было разъяснено, что компенсация вреда реабилитированному лицу в порядке статьи 399 УПК РФ может производиться тем же судьей, что вынес оправдательный приговор. Также было разъяснено, что при обвинении в нескольких преступлениях, при отсутствии состава одного из них, обвиняемый имеет право на реабилитацию по этому преступлению. Кроме того, сумма оплаты за юридическую помощь и защиту во время уголовного преследования реабилитированному лицу возмещается независимо от количества привлеченных юристов» [39].

Постановление Конституционного Суда от 23.09.2021 № 41-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П. Атрощенко» поясняет, что компенсация материальных затрат по такой графе как получение помощи профессиональных юристов, производится только в том случае, если какая-либо доля расходов не была потрачена на иные нужды, а также добросовестность требований о компенсации на данные нужды не была опровергнута [38].

Указанные нормативно-правовые акты формируют и регламентируют отношения, возникающие вследствие нелегитимного уголовного преследования, и отношения, появляющиеся вследствие компенсации государством вреда, нанесенного государственными органами и должностными лицами.

Институт реабилитации в уголовном судопроизводстве имеет широкий спектр проблем, основой которых является разрозненность и неполнота законодательных актов, а также противоречие некоторых. Так, в части 3 статьи 133 УПК РФ сказано, что «право на возмещение вреда в порядке, установленном главой 18 УПК РФ, имеет также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу» [52]. Согласно буквальному толкованию, любой гражданин в случае специального или неумышленного злоупотребления властью в отношении него обладает правом на реабилитацию. При этом негативные последствия необоснованного преследования могут сказаться в том числе на родственниках преследуемого, например, в условиях общего владения имуществом. Так, например, может быть нанесен существенный вред имуществу и личным вещам, возможно наложение ареста на имущество родственников в соответствии со статьей 115 частью 3 УПК РФ, где указано, что «арест может быть наложен на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия...» [52].

«В описанном случае возникает первый легитимный вопрос могут ли указанные родственники иметь право на возмещение вреда в порядке, установленном главой 18 УПК РФ, в условиях нелегитимного обвинения в сторону невиновного лица» [2]. Само необоснованно или незаконно привлеченное к уголовной ответственности лицо, безусловно, имеет право на

возмещение имущественного и морального вреда, но того же нельзя сказать о его родственниках, хотя и владеющих имуществом на таких же правах, что и реабилитированный, но не соотносящихся с такой категорией как невиновность ввиду их неучастия в уголовном процессе, а равно не имеющих какого-либо отношения к институту реабилитации в уголовном процессе. Ввиду отсутствия четкого законодательного пояснения возникают проблемы, проявляющиеся в неоднозначной судебной практике и противоположных по значению выносимых решений судами.

В описанном случае существует и вторая проблема, заключающаяся в том, могут ли родственники обвиняемого иметь право компенсацию понесенных убытков в случае легимитимного преследования обвиняемого. «Правом на компенсацию вреда это лицо обладать не будет из-за легитимности и допустимости этого преследования» [33]. Однако насколько законным является нанесение вреда имуществу тем лицам, что «к уголовной ответственности не привлекались и обладают имуществом привлекаемого на условиях имущественного права» [2]. Так, при обыске в личной квартире, принадлежащей супругам в равных долях, в ходе предварительного следствия по уголовному делу в отношении мужчины может быть разломана стена. В случае, если разлом стены не был вызван необходимостью и не привел к каким-либо результатам, при признании судом указанного мужчины виновным, право на возмещение имущественного вреда для жены является спорным. «Данная ситуация является неудобной для всех сторон – производство следственных действий, с одной стороны, было законным, и с другой стороны, был причинен имущественный вред не имеющего к уголовному преследованию лицу» [2].

Описанные проблемы возможно решить, по мнению автора, путем внесения изменений в законодательство Российской Федерации. Так, в УПК РФ должны быть закреплены конкретные обособленные нормы о компенсации имущественного и морального вреда, полученного в ходе уголовного преследования. «В случае, если уголовное преследование было незаконным,

возмещение имущественного и морального вреда третьим лицам должно осуществляться в соответствии с главой 18 УПК РФ, как и указано в статье 133, но не раскрыто» [2]. В случае, если уголовное преследование было легитимным, необходимо формирование системы компенсации имущественного и морального вреда путем подачи иска в суд. В этом случае лица, не привлеченные к уголовной ответственности, но получившие в ходе законного уголовного преследования ущерб, «должны иметь возможность в судебном порядке доказать отсутствие необходимости в причинении этого ущерба. В случае, если будет доказана необходимость в причинении ущерба – возмещение вреда должно возлагаться на плечи обоснованно осужденного, в противном случае должно возмещаться государством» [33].

Другой проблемой российского законодательства в сфере института реабилитации является разрозненность законодательства в сфере компенсации негативных моральных и имущественных последствий реабилитированному умершему лицу. В соответствии со статьей 134 УПК РФ в случае, «если реабилитированное лицо признано умершим, извещение с разъяснением о порядке возмещения вреда направляется его близким родственникам, при этом речь в статье идет как об имущественном, так и о моральном вреде» [52]. При этом ГК РФ в статье 1112 гласит «не входят в состав наследства личные неимущественные права и другие нематериальные блага» [9]. Возникает диссонанс правовых норм, поскольку получается, что моральный вред, нанесенный незаконным или необоснованным уголовным преследованием, нанесенный умершему реабилитированному лицу, подлежит возмещению близким родственникам согласно УПК РФ и не подлежит возмещению согласно ГК РФ.

Указанное несоответствие, по мнению автора, возможно разрешить путем изменения законодательства в области гражданского права путем уточнения относительно наследования права возмещения морального вреда реабилитированному лицу его близкими родственниками.

Кроме того, одной из проблем, стоящих перед российским

законодательством, представляется одно из оснований для возникновения права на реабилитацию. Так, в соответствии с пунктом 3 части 2 статьи 133 УПК РФ «обвиняемые или подозреваемые, в отношении которых уголовное дело было прекращено в соответствии со статьей 24 УПК РФ, имеют право на реабилитацию» [52]. В свою очередь, в пункте 6 части 1 статьи 24 УПК РФ указаны лица, на возбуждение уголовного дела в отношении которых не было дано согласие соответствующими должностными лицами. Описанная ситуация указывает на «прекращение уголовного преследования не в связи с отсутствием или недоказанностью вины, а по причине парламентской невосприимчивости» [33]. Автору представляется, что данное основание для возникновения права на реабилитацию не является правомерным и его необходимо исключить.

Таким образом, был произведен аналитический обзор научных источников и нормативно-правовых актов в сфере института реабилитации в уголовном судопроизводстве, были выявлены понятие и сущность реабилитации в уголовном судопроизводстве, изучены и проанализированы законодательные основы реабилитации лиц, подвергнутых нелегитимному и неправомерному уголовному преследованию.

Глава 2 Процессуальный механизм института реабилитации в уголовном судопроизводстве

2.1 Особенности и проблемы института реабилитации по уголовным делам публичного обвинения

«Уголовно-процессуальный закон определяет порядок, с помощью которого производится восстановление прав реабилитированных лиц в уголовном судопроизводстве. Поскольку процесс реабилитации сопровождается не одним, а несколькими действиями, а также затрагивает сферы гражданского права, он представляет собой целую систему из мероприятий, направленных на реабилитацию незаконно привлеченных лиц к уголовному преследованию» [8].

К числу действий, позволяющих восстановить реабилитированного в его имущественных правах, на основании главы 18 УПК РФ следует относить:

- «Признание за оправданным права на реабилитацию и разъяснение форм реализации данного права;
- Требование реабилитированного лица о возмещении имущественного вреда;
- Рассмотрение судом данного требования и определение границ возмещения материального ущерба;
- Вынесение решения судом о восстановлении реабилитированного в его имущественных правах либо же об отказе в таком восстановлении;
- Обжалование судебного решения в случаях, предусмотренных законодательством» [52].

Первым, основополагающим действием, производимым в процессе реабилитации лица, является признание за этим лицом права на реабилитацию. Уже на этом этапе возникают сложности. Так, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 в пункте 9 говорит о том, что

«основанием для возникновения у лица права на реабилитацию является постановленный в отношении его оправдательный приговор или вынесенное постановление (определение) о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по основаниям, указанным в ч. 2 ст. 133 УПК РФ, либо об отмене незаконного или необоснованного постановления о применении принудительных мер медицинского характера» [39]. Уже исходя из буквального смысла данной формулировки можно заметить, что «вынесенные приговор или постановление не признают за лицом права быть реабилитированным, а лишь дают основание и возможность для этого. Другими словами, чтобы лицо, понесшее ущерб, обладало таким правом, помимо приговора или постановления, указанных выше, необходимо также официальное легитимное признание за лицом данного права» [33].

О важности данного признания говорит тот факт, что ранее в пункте 9 присутствовал последний, четвертый абзац, в котором говорилось о том, что «в случае, если в приговоре или постановлении не значится о признании права на реабилитацию, это не может являться основанием для отказа в реабилитации. 2 апреля 2013 года данный абзац был исключен, что символизирует о важности данного уточнения в юриспруденции» [33]. В пользу этого предположения также высказался Верховный Суд РФ, где в своем определении от 15 декабря 2002 года № 38-О02-43 объяснил, что: «по смыслу ст. 134 УПК РФ приговор, определение, постановление суда, вынесенные по основаниям, предусмотренным в ч. 2 ст. 133 УПК РФ, обязательно должны содержать указание о праве гражданина на реабилитацию, включая возмещение причиненного ему вреда» [22].

Судебная правоприменительная деятельность по данному вопросу характеризуется тем, что, «как правило, суды отказывают в признании права на реабилитацию, если данное право не было признано ранее в соответствующем постановлении. Пункт 1 ст. 397 УПК РФ гласит, что в порядке исполнения приговора возможно только компенсирование полученного ущерба реабилитированного лица, но не признание права на

реабилитацию» [52].

Примером вышесказанного выступает постановление суда Ямало-Ненецкого автономного округа по делу № 22-470/2020 от 29 июня 2020 года в апелляционной инстанции. «Тухашев И.Ш. был признан виновным в совершении нескольких преступлений и приговорен к пожизненному лишению свободы, однако по обвинению в преступлении, предусмотренного ст. 105 УК РФ, приговором суда он был признан невиновным. Тухашев И.Ш. обратился в суд с признанием его права на реабилитацию по данному обвинению, однако суд первой инстанции вынес отказ в связи с тем, что за Тухашевым И.Ш. суд, осудивший его на пожизненное заключение, не признал за ним права на реабилитацию. Суд апелляционной инстанции оставил то же решение суда первой инстанции в связи с тем, что признание права на реабилитацию осуществляется судом при решении по существу дела, а положения главы 18 УПК РФ не предусматривают самостоятельной отдельной процедуры обращения в суд для признания права на реабилитацию» [1].

Таким образом, можно прийти к выводу, что «в случае, если в приговоре или определении не обозначено, что у лица возникло право на реабилитацию, это может являться формальным основанием для отказа в реабилитации такого лица» [33]. Однако данное утверждение является одним из краеугольных проблем в реабилитации лиц, поскольку практическая деятельность судов не лишена ошибок и неточностей ввиду, в том числе, человеческого фактора, и может приводить к тому, что судебные инстанции в своих приговорах и определениях могут просто запомнить включить необходимый пункт.

Так, примером может послужить приговор Димитровградского городского суда Ульяновской области от 16 января 2019 года [42]. В отношении К. было заведено уголовное дело по ч. 1 ст. 169 УК РФ и ч. 3 ст. 290 УК РФ. «Во время судебного заседания государственный обвинитель отказался от обвинения по ч. 1 ст. 169 УК РФ, впоследствии К. был признан виновным судом по ч. 3 ст. 290 УК РФ» [42]. Уголовное дело по статье 169 УК

РФ было прекращено постановлением суда, однако в постановлении не было указано о том, что К. обладает правом на реабилитацию.

Впоследствии К. «обратился в суд для взыскания компенсации морального вреда, однако суд кассационной инстанции отказал в своем определении, где в число причин для отказа входило также отсутствие в постановлении суда первой инстанции указания о том, что у К. возникло право на реабилитацию» [32].

Вышесказанное формирует одну из проблем процессуального порядка реабилитации лиц, подвергнутых незаконному уголовному преследованию – в случае, если «в приговоре или определении отсутствует указание на возникновение права на реабилитацию, этого права лишаются те лица, которые могли и должны были бы обладать указанным правом» [33].

Следует отметить, что по уголовным делам, «решения по которым были вынесены до принятия действующего уголовно-процессуального законодательства» [33], применение норм положений главы 18 УПК РФ невозможно в связи с нормами положений ст. 4 УПК РФ, где указано, что «необходимо применять те уголовно-процессуальные положения, которые действовали на момент правоотношений, за исключением указанных в УПК РФ случаев» [52]. Сам уголовно-процессуальный порядок реабилитации был введен только с 1 июля 2002 года, и, как уже говорилось ранее в исследовании, в УПК РСФСР порядка реабилитации не было.

Реабилитация в уголовном судопроизводстве, как единый комплекс мероприятий, предполагает возмещение имущественного вреда лицу, и обязывает государство к возмещению такого полученного вреда.

Согласно норме, указанной в ч. 2 ст. 135 УПК РФ, незаконно привлеченное к уголовной ответственности лицо может подать иск в рамках гражданского судопроизводства с учетом сроков давности для возмещения причиненного имущественного ущерба [52]. Срок исковой давности начинается с того момента, когда реабилитированный получает решение суда, в котором указано его право на реабилитацию и разъяснен соответствующий

порядок.

Для разъяснения правового механизма реабилитации необходимо упомянуть и о том, что в данной процедуре принимать участие могут такие лица как сам реабилитированный, финансовый орган и прокурор. Участие прокурора обуславливается его правовым положением, которое изложено в соответствующих нормативно-правовых актах. Так, нормы, указанные в Федеральном законе № 2202-1 от 17 января 1992 года «О прокуратуре», говорят о том, что прокурор уполномочен производить надзор за соблюдением конституционных прав для охраны и восстановления прав и свобод, закрепленных конституционально [60].

Функциональная необходимость в участии прокурора в реабилитации поясняется Конституционным Судом РФ в Постановлении № 28-П от 14 ноября 2017 года. Сущность данного дела заключалась в том, что Бондаренко М.И., обратившийся в Конституционный Суд РФ, посчитал, что участие прокурора по делам реабилитации является препятствующим фактором для самого процесса реабилитации.

Конституционный Суд РФ же в данном Постановлении указал, что участие прокурора обусловлено его процессуальными функциями и противником самой реабилитации он не является и являться не может. Кроме того, было указано, что «прокурор в данной процедуре осуществляет особый вид деятельности, связанный с реализацией последствий оправдания подсудимого либо прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям, представляя суду материалы, которые касаются имевшего место ранее уголовного преследования» [37].

В уголовно-процессуальном законодательстве РФ нет точного разъяснения относительно термина «имущественный вред». Статья 135 УПК РФ лишь высказывает те компоненты, которые входят в это понятие. В связи с этим в научной сфере высказываются различные толкования этого термина.

Так, Бажанов А.В. в своей диссертации отмечает, что «имущественный вред включает все имущественные потери – как уже понесенные лицом, так и

те, которые будут связаны с будущими его расходами, необходимыми для восстановления нарушенных прав» [2].

В поддержку этого мнения выступают и другие ученые. Например, Ганиев Т.Г. и Ульянкина М.В. говорят в своей статье о том, что «имущественный вред объединяет все негативные последствия в имущественной сфере пострадавшего лица, включая уничтожение, уменьшение и повреждение наличного и будущего имущества» [7].

Исходя из вышесказанных мнений нельзя не заметить, что в понятие имущественного вреда указанные авторы вкладывают также и те выгоды, которые можно было бы получить, однако они не были получены в связи с незаконным уголовным преследованием.

В правоприменительной практике данная точка зрения также находит свое отражение. Конституционный Суд РФ в своем Определении от 25.02.2016 № 256-О подтвердил данное предположение тем, что лицо, которому был причинен вред вследствие незаконного уголовного преследования, может возмещать не только реальный имущественный вред, но и тот, что относится к упущенной выгоде [28].

Впоследствии эту точку зрения поддержал и Верховный Суд РФ, который в своем вышеуказанном постановлении в п. 13 пояснил, что к полученному имущественному вреду следует относить также и упущенную выгоду, так как необходимо учитывать ст. 15 ГК РФ [39], диспозиция которой это и подразумевает [9].

Тем не менее, несмотря на кажущуюся простоту этого решения, в правоприменительной деятельности возникают сложности, так как необходимо брать во внимание то, что возмещению подлежит лишь действительно полученный вред, а не предполагаемый. Судам в связи с этим необходимо изучать и определять реальную возможность получения тех выгод, что не были получены реабилитированным лицом.

Так, одной из сложностей является вопрос, необходимо ли возмещать имущественный вред вследствие незаконного преследования лица, если это

лицо не работало. Помимо этого, необходимо учитывать, что многие граждане не оформлены на местах своего трудоустройства официально. И, несмотря на то, что они претерпели ущерб в виде отсутствия заработной платы за то время, что они находились, например, под стражей, возмещение имущественного вреда как упущенной выгоды по данному критерию для них не предполагается.

Кроме того, в п. 2 ч. 1 ст. 135 УПК РФ говорится о том, что возмещение имущественного вреда возможно также и в случае конфискации имущества, однако с важной оговоркой – конфискации на основании суда [52]. Однако имущество может быть изъято уполномоченными лицами и на стадии предварительного расследования. Таким образом, конфискация имущества подлежит возмещению вреда, а изъятие этого имущества – нет.

Кроме того, статья 135 УПК РФ относит к возмещению имущественного вреда и иные расходы [52]. Разъяснений относительно данных расходов в УПК РФ нет, однако есть ссылка на Постановление Верховного суда, в котором говорится, что «под иными расходами, возмещение которых реабилитированному предусмотрено п. 5 ч. 1 ст. 135 УПК РФ, следует понимать как расходы, которые понесены реабилитированным лицом непосредственно в ходе уголовного преследования (например, в связи с привлечением специалиста), так и расходы, понесенные им в целях устранения последствий незаконного или необоснованного уголовного преследования, включая затраты на возмещение расходов, связанных с рассмотрением вопросов реабилитации, восстановления здоровья и других» [39]. Указанная формулировка недостаточно полно раскрывает понятие иных расходов, что порождает за собой отсутствие единства относительно определения иных расходов и противоречащую друг другу правоприменительную практику.

Обобщая вышеизложенное, ко второй проблеме института реабилитации в уголовном судопроизводстве следует относить определение самого имущественного вреда судами и выяснение его границ.

Нельзя забывать и о том, что нелегитимное привлечение человека к уголовной ответственности влечет за собой нанесение вреда не только имущественным правам, но и неимущественным, а конкретнее нанесение морального вреда. Так, возможно нанесение ущерба доброму имени и репутации граждан, дискредитация их в глазах всей общественности. Подобное влечет за собой существенные изменения в психологическом комфорте реабилитируемых лиц.

Сложность возмещения указанных неимущественных прав объясняется тем, что данная область затрагивает дифференцированные отрасли права. ГК РФ рассматривает моральный вред как «физические или нравственные страдания, причиненные действиями, нарушающими нематериальные права и посягающими на нематериальные блага» [9]. Однако уголовно-процессуальный закон никак не регламентирует понятие морального вреда, вследствие чего многими авторами высказывались различные точки зрения.

Так, Трунова Л.К. в своей работе считает, что «трактовка морального вреда, описанная в ГК РФ, недостаточно полна, так как необходимо включение в это понятие такой категории, как психические страдания, причиненные преступлением» [50]. Иными словами, терминология, применяемая в гражданском процессе, недостаточно полна для уголовного процесса.

Владимирова В.В. в своей работе считает, что к моральному вреду следует относить также и причинение ущерба личным имущественным правам [5]. Такая точка зрения подтверждается и ч. 2 ст. 1099 ГК РФ [9].

Восстановление морального вреда реабилитированного лица производится несколькими путями – принесением официального извинения прокурором, возмещении морального вреда в денежной сумме, трансляции в СМИ соответствующего положения, а также информирование окружения реабилитированного об его реабилитации.

Ч. 1 ст. 136 УПК РФ обязывает принести извинения реабилитированному лицу именно от лица прокурора. В то же время согласно п. 31 ст. 5 УПК РФ к прокурорам относятся следующие лица: «Генеральный

прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры, их заместители и иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные соответствующими полномочиями ФЗ о прокуратуре» [52].

Однако в то же время Президиум Верховного Суда РФ в своем постановлении № 328-П12ПР от 17.04.2013 указал, что на определенном прокуроре нет обязанности приносить извинения, поскольку нет такого указания в уголовно-процессуальном законе [40].

Это является одной из проблем реабилитации лиц ввиду того, что реабилитированному лицу, на наш взгляд, в первую очередь необходимы извинения того прокурора, который предъявлял реабилитированному обвинения, а не от какого-либо третьего лица, не фигурировавшего в уголовном деле, поскольку наибольший моральный вред был нанесен действиями конкретного отдельного прокурора.

Восстановление неимущественных прав в денежном эквиваленте является одним из краеугольных сторон реабилитации, поскольку в уголовно-процессуальном законе нет установленного порядка возмещения морального вреда в денежном эквиваленте. По смыслу уголовно-процессуального закона, реабилитированный лишь обладает правом на такое возмещение, но сама денежная компенсация производится на основании другой отрасли права – гражданского процесса.

Отличие уголовного процесса и гражданского в реабилитации лиц проявляется, в том числе, и «в способах восстановления нарушенных прав реабилитированного. Так, уголовно-процессуальный порядок реабилитации характеризуется облегченным режимом защиты нарушенных прав, а восстановление прав в порядке гражданского судопроизводства производится на общих основаниях – включая, в том числе, и обязанность по доказыванию нарушения этих прав» [31]. Иными словами, на реабилитированное лицо возлагается бремя по доказыванию размера и степени вины, которую причинили ему неправомерные действия государственных органов, что прямо

противоречит концепции реабилитации в уголовно-процессуальном порядке.

Нельзя забывать, что к неимущественным правам, «понесшим вред вследствие уголовного преследования, относится не только полученный моральный вред, но и другие права гражданина, так как пенсионные, трудовые, земельные и прочие. Обязанность по их восстановлению также регламентируется уголовно-процессуальным законом» [33].

Верховный Суд РФ в своем Постановлении № 17 от 29.11.2011 в п. 10 поясняет, что «восстановление данной категории прав производится в уголовно-процессуальном порядке, при этом путем гражданского судопроизводства возможно разрешение лишь тех споров, что были оставлены без рассмотрения в порядке, предусмотренным ст. 399 УПК РФ» [39].

«Схема на первый взгляд кажется простой: подача заявления в рамках уголовного судопроизводства – рассмотрение в порядке, предусмотренном ст. 399 УПК РФ – в случае оставления без рассмотрения подача заявления в порядке гражданского судопроизводства на основании ГК РФ» [33]. В случае, если заявление в рамках уголовного судопроизводства реабилитированным не производилось, производство в гражданском судопроизводстве прекращается на основании статей 134 и 220 ГПК РФ [10].

Данная ситуация иллюстрирует законодательный пробел, поскольку в ч. 1 ст. 138 УПК РФ говорится о требовании реабилитированного в целом, а в п. 2 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ указано, что, если по данному делу с тождественными сторонами уже имеется решение суда, это является основанием для отказа в принятии искового заявления [10]. Данная неточность в законодательных формулировках приводит к совершенно противоположной правоприменительной практике судов, как, например, решение Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской республики от 30.10.2018, где указано, что реабилитированный имеет право на восстановление иных прав даже в том случае, если не было подобного заявления в рамках уголовного процесса [44]. Указанное решение, безусловно, противоречит нормам уголовно-процессуального законодательства.

Таким образом, подводя итог, можно выделить следующие проблемы правоприменительной практики в рамках реабилитации лиц в уголовном судопроизводстве: регламентация возможности лиц получить право на реабилитацию в случаях, предусмотренных законом, если данное право не было оформлено в рамках приговора или определения суда; определение границ имущественного вреда, полученного реабилитированным лицом в ходе уголовного преследования; определение конкретных требований к принесению официальных извинений прокурором; законодательные коллизии, возникающие между уголовным и гражданским процессом во время восстановления иных прав реабилитированных лиц.

2.2 Особенности и проблемы института реабилитации по уголовным делам частного обвинения

Проблема реабилитации лиц по уголовным делам частного обвинения заключается в том, что в большей степени вред реабилитированному наносит не государственные органы, а третьи лица. Так, ст. 318 УПК РФ гласит о том, что уголовные дела подобного рода возбуждаются путем подачи заявления со стороны потерпевшего в суд, либо должностными лицами государственных органов, если потерпевший находится в беспомощном или зависимом состоянии, вследствие которого не может самолично защищать свои интересы [52].

Исходя из положений указанной нормы можно заметить, что «причинение вреда со стороны государственных органов возможно лишь в случае беспомощного или зависимого состояния потерпевшего» [11]. В данном случае положения главы 18 УПК РФ становятся легкоприменимы «для реабилитации лица, в отношении которого было возбуждено уголовное дело, поскольку виднеется зависимость положения реабилитированного от действий сотрудников органов предварительного расследования. С другой стороны, возникают трудности при применении положений этой же главы в

том случае, если уголовное дело было инициировано потерпевшим» [31].

Можно заметить, что уголовные дела частного обвинения изначально были введены законодателем как легкоразрешимые, поскольку предполагается, что для раскрытия указанных преступлений истец может самолично собрать необходимые доказательства для выдвижения легитимного обвинения.

Термин «легитимное обвинение» был использован не зря – поскольку обвинение выдвигается со стороны лица, не имеющего опыт в подобного рода деятельности, возможно невольное и вольное совершение ошибок, поэтому важным критерием подобного рода обвинений является их обоснованность. Обязательно нужно учитывать такие субъективные факторы как личность самого потерпевшего, его отношения с обвиняемым, поскольку нелогичные или ошибочные обвинения могут быть предъявлены в силу личной заинтересованности истца – иначе говоря, в уголовных делах подобного рода требуется учитывать людской фактор.

Ст. 23 Конституции РФ выступает на защите и охране основных прав и свобод личности, включая его право на доброе имя и достоинство [15]. Уголовные дела частного обвинения зачастую наносят непоправимый ущерб достоинству отдельного человека, поскольку мнение общественности является обязательным атрибутом любого социума, и данное мнение может меняться в любую сторону, включая ухудшение репутации человека, зачастую необоснованно. Для пояснения необходимо привести пример: в случае привлечения человека к уголовной ответственности возникают такие негативные явления в обществе, как сплетни и пересуды об этом человеке, и даже в случае, если обвинение было необоснованным, народная молва будет долго ходить из уст в уста, со временем значительно искажаясь, пороча честь реабилитированного.

Необходимо отметить, что «в основном ответственность за нелегитимное привлечение к уголовной ответственности из ряда государственных органов ложится на судебную систему, так как этап предварительного расследования

в данных делах отбрасывается ввиду того, что потерпевший самостоятельно подает иск в суд, не обращаясь в другие государственные органы» [19]. Исключение составляют только случаи, когда уголовное дело возбуждается органом предварительного расследования в силу физического состояния потерпевшего. Во втором случае применение уголовно-процессуальных норм реабилитации производится также, как и для уголовных дел публичного обвинения.

В остальных же случаях, как уже было сказано, ответственность из ряда государственных органов ложится на суды, но при этом необходимо помнить, что наибольший вред может быть нанесен реабилитированному не действиями государственных органов, а действиями истца, подавшего иск в суд. Так как «нормы положений УПК РФ никак не отличают в процедуре реабилитации уголовные дела публичного обвинения от частного, дискуссионные споры относительно применения норм главы 18 УПК РФ в делах частного обвинения ведутся по сегодняшнее время» [8].

Одни авторы высказывают точку зрения, в которой утверждают, что «возмещение причинённого уголовным преследованием вреда, включая имущественный и неимущественный вред, требуется возлагать на самого истца, непосредственно подавшего иск в суд» [61].

Другие авторы, напротив, высказывают совершенно противоположную точку зрения, в которой утверждают, что «по уголовным делам частного обвинения реабилитация согласно уголовно-процессуальному порядку вообще не может быть применима, а в случае, если данным уголовным преследованием реабилитированному лицу был причинен вред, то компенсировать данный ущерб необходимо не в порядке реабилитации, а в порядке обычного гражданского судопроизводства» [2].

До 2011 года правоприменительная практика по уголовным делам частного обвинения характеризовалась в большей степени тем, что суды, как правило, отказывали в реабилитации тем лицам, которые были привлекаемы к уголовной ответственности по указанным делам. Пояснялось это тем, что

«положения главы 18 УПК РФ распространяются только на те случаи, когда вред был причинен государственными органами, а поскольку обвинителем по уголовным делам частного обвинения выступает частное лицо, то и компенсацию полученного ущерба следует взыскивать именно с него» [33]. В 2011 году по данному вопросу произошло значительное изменение, поскольку было выпущено постановление Конституционного Суда РФ № 22-П от 17 октября 2011 года. В данном постановлении говорилось, что «глава 18 УПК РФ не содержит какой-либо нормы, исключающей применение положений данной главы для уголовных дел частного обвинения, а, значит, юридических препятствий для применения уголовно-процессуального порядка реабилитации по уголовным делам частного обвинения быть не может» [36].

Кроме того, данное постановление утверждает, что для уголовно-процессуальной реабилитации не имеет значения, в каком порядке возбуждалось уголовное дело – в публичном, частно-публичном или частном.

В то же время, законодатель частично согласен с указанным выше мнением в области применения главы 18 УПК РФ. Так, это же постановление Конституционного Суда РФ говорит о том, что «применимость закрепленного указанной главой специального порядка возмещения государством вреда предreshается не видом уголовного преследования, а особым статусом причинителя вреда, каковым могут быть лишь упомянутые в ч. 1 ст. 133 УПК РФ государственные органы и должностные лица – орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор и суд – независимо от занимаемого ими места в системе разделения властей» [36].

В свою очередь Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении № 17 от 29 ноября 2011 года в пункте 8 утверждает, что «применение уголовно-процессуального порядка реабилитации по уголовным делам частного обвинения возможно не иначе как в том случае, если суд первой инстанции вынес обвинительный приговор, который в дальнейшем – в порядке апелляции, кассации или надзора – был отменен» [39]. Данное уточнение показывает, что с точки зрения законодателя реабилитация по

уголовным делам частного обвинения невозможна в случае, если суд первой инстанции вынес оправдательный приговор, так как в этом случае каких-либо упущений в деятельности государственных органов не наблюдается.

Подобная законодательная ситуация приводит к тому, что при привлечении к необоснованно к уголовной ответственности сам привлеченный может не иметь возможности быть реабилитированным ввиду законности действий государственных органов. Тем не менее, как было указано выше, права обвиненного наносятся ущерб, портится его деловая честь и репутация. Подобные юридические условия приводят к тому, что между истцом и ответчиком наблюдается смещение баланса в пользу истца, так как, даже если уголовное дело будет прекращено либо будет вынесен оправдательный приговор, причинение вреда наносится только правам обвиняемого, но не частного обвинителя. Для защиты прав и соблюдения свобод привлекаемого к уголовной ответственности перед судебной системой стоит немаловажная задача – правильное разграничение между ответственностью государственных органов и частного обвинителя для максимально возможной процессуальной реабилитации обвиняемого.

Обобщая вышеизложенное, можно выделить один из проблемных аспектов реабилитации лиц по уголовным делам частного обвинения – сложность отграничения ответственности органов досудебного и судебного производства от действий частного обвинителя перед реабилитированным.

Указанная проблема проявляется себя и на практике, что подтверждается решением Индустриального районного суда г. Хабаровска от 13 сентября 2019 года по делу № 2-135/2019. Севостьянов Л.Г. подал иск на Лобова И.А., обвиняя второго в умышленном причинении легкого вреда здоровью, мировому судье Железнодорожного района г. Хабаровска. Данный судья признал Лобова И.А. виновным в этом преступлении, одна впоследствии суд апелляционной инстанции посчитал, что Лобов И.А. виновным не является, при этом в своем решении суд указал на то, что Лобов И.А. имеет право на реабилитацию [43].

Казалось бы, ситуация является достаточно простой – законодателем по указанному случаю уже предусмотрена нормативно-правовая база, позволяющая точно определить, кто должен нести юридическую ответственность за нелигитимное привлечение Лобова И.А. Так, ввиду того, что первым приговором был приговор обвинительный, который впоследствии был изменен на оправдательный, Лобов И.А. должен быть реабилитирован согласно уголовно-процессуальному порядку, предусмотренного главой 18 УПК РФ. Иначе говоря, вред, полученный Лобовым И.А., должен был быть возмещен в полном объеме государством.

Однако по данному делу есть продолжение. «Лобов И.А. воспользовался своим правом на реабилитацию и подал заявление в Индустриальный районный суд г. Хабаровска, который в своем решении определил, что обязанность по возмещению имущественного вреда, включая расходы на адвокатов, других юридических услуг, а также по возмещению неимущественного вреда, включая моральный вред, лежит на Севостьянове Л.Г.» [43].

Кроме того, другой проблемой реабилитации по уголовным делам частного обвинения представляется также то, что «порядок реабилитации не предусмотрен в тех случаях, если судом первой инстанции был вынесен оправдательный приговор» [33]. Отсутствие четкого уголовно-процессуального порядка реабилитации в случаях, если ответственность за нелигитимное привлечение к уголовной ответственности лежит на частном обвинителе, порождает за собой условия, в которых понесшие ущерб имущественные и неимущественные права реабилитированный должен восстанавливать на общих условиях гражданского судопроизводства.

Тем не менее, невозможно привлекать каждого, кто подал заявление в суд по уголовному делу частного обвинения, даже если такое обвинение является безосновательным. Безосновательное обвинение, исходящее от частного обвинителя, может быть вследствие ошибочности представлений самого частного обвинителя, а может быть и вследствие корыстных или иных

целей. Законодатель также указывает на то, что необходимо устанавливать причины, по которым частный обвинитель необоснованно привлекал кого-либо к уголовной ответственности. В определении Верховного Суда РФ от 17 мая 2022 года по делу № 13-КГ22-2-К2 поясняется, что на основании норм гражданского права и процесса частному обвинителю необходимо возмещать от частичного до полного размера причиненного ущерба, который определяется мотивами и целями частного обвинителя – были ли его действия злонамеренными или добросовестными [23].

Исходя из вышеизложенного, можно заметить, что по уголовным делам частного обвинения порядок компенсации полученного вреда, если ущерб был причинен действиями государственных органов, производится в общем порядке и в соответствии с теми же процедурами, что были рассмотрены ранее в исследовании. В случае, если ущерб был нанесен действиями частного обвинителя, порядок восстановления прав реабилитированного производится в другом порядке.

Возмещение морального вреда по уголовным делам публичного обвинения регламентируется ст. 1070 ГК РФ. Однако применение норм указанной главы невозможно ввиду того, что в диспозиции указанной статьи перечислены лица, которые могли бы нанести ущерб реабилитированному, а именно: «независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда» [9]. «Строгий перечень тех, кто выступает причинителем вреда, при этом отсутствие каких-либо указаний на частного обвинителя, лишает возможности применения данной статьи для возмещения полученного морального ущерба. Можно заметить, что возмещение полученного ущерба реабилитированным лицом в данной ситуации никак специально не регламентировано» [33]. Упоминанием о возмещении полученного морального ущерба в гражданском законодательстве, которое «может быть использовано по уголовным делам частного обвинения, является ст. 151 ГК РФ, которая содержит нормы относительно возмещения морального вреда в целом, а не только вследствие

необоснованного уголовного преследования, а также ст. 1064 ГК РФ, которая регулирует общие основания ответственности за причинение вреда, не только морального» [33].

«Компенсация имущественного вреда, полученного в ходе необоснованного уголовного преследования по уголовному делу частного обвинения, также представляет собой одну из проблем» [2]. Составляющей материального ущерба являются фактически понесенные расходы на защитника, однако по уголовным делам частного обвинения нет четкого уголовно-процессуального порядка возмещения указанных расходов, что приводит к диаметрально противоположной судебной практике. Так, некоторые суды считают, что указанный вопрос необходимо решать в порядке гражданского процесса. Другие считают иначе – что данные расходы являются процессуальными и возмещение данных расходов должно производиться на основании уголовно-процессуального законодательства.

На основании данной противоречивой практики Конституционный Суд РФ в своем Определении № 1057-О от 2 июля 2013 года по жалобе гражданина Столбунца С.П. на нарушение его конституционных прав п. 1 и 2 ст. 1064 ГК РФ указал, что «учитывая, что в судебной практике отсутствует единообразие в решении вопроса о том, на основании каких норм должно осуществляться взыскание расходов на адвоката в пользу реабилитированного лица по делам частного обвинения, а также о том, какие обстоятельства подлежат при этом установлению судом, не исключается уточнение порядка реабилитации в этой части – федеральным законодателем путем внесения изменений в действующее законодательство либо Верховным Судом РФ путем издания разъяснений по вопросам судебной практики» [25]. Данное предложение Конституционного Суда РФ так и не было реализовано.

В то же время, необходимо учитывать, что в указанном определении Конституционного Суда РФ имеется важное уточнение – фактические юридические расходы Конституционный Суд РФ не относит к процессуальным издержкам, а относит к гражданскому законодательству,

отсылая на ст. 15 ГК РФ – возмещение убытков. По смыслу этого уточнения материальный ущерб, понесенный в результате незаконного уголовного преследования по уголовному делу частного обвинения, необходимо компенсировать, ссылаясь на ст. 1064 ГК РФ с учетом мотива и целей частного обвинителя, включая злоумышленность или добросовестность его действий.

Особая проблема заключается в фактически понесенных юридических расходах, которые были осуществлены не самим обвиняемым напрямую, а кем-либо на стороне, например, родственников обвиняемого.

Указанное определение неоднократно обсуждалось в научной среде, поскольку зачастую авторы научных работ относят данные расходы к нормам, указанным в главе 18 УПК РФ [61].

Необходимо отметить, что ранее Судебная Коллегия Верховного Суда РФ в своем определении № 78-О10-9 от 18 февраля 2010 года отметила, что компенсация данных расходов охватывается нормами уголовно-процессуального порядка реабилитации, несмотря на то, что фактически указанные расходы осуществлял не сам обвиняемый, а другой субъект [30]. Данное определение являлось образцом и судебным прецедентом, имеющим особую важность, в связи с чем оно было добавлено в обзор судебной кассационной практики, утвержденной Президиумом Верховного Суда РФ.

Однако впоследствии вышедшее указанное определение Конституционного Суда РФ ситуацию осложнило.

Далее Конституционный Суд РФ в своем определении № 290-О от 5 февраля 2015 года по жалобе гражданина Келяева И.А. на нарушение его конституционных прав п. 4 ч. 135 УПК РФ указало, что в порядке реабилитации возможно возмещение только тех расходов на юридическую помощь, выполненным отличным от обвиняемого субъектом, которые были совершены по заданию привлекаемого к уголовной ответственности и оплачены либо самим привлекаемым, либо другими лицами с обязательным юридическим оформлением возврата этих затраченных средств третьим лицам самим привлекаемым [26]. Подобное определение не облегчило возмещение

расходов в процессуальном порядке реабилитации, поскольку образовалась неприменимая к реалиям ситуация, когда привлекаемый к уголовной ответственности должен быть заранее подготовлен к привлечению к этой ответственности как в денежном выражении, так и соблюдая все юридические тонкости, включая подписание каких-либо расписок.

Несмотря на сложность отнесения данных расходов к процессуальным издержкам, уголовно-процессуальный закон говорит в ч. 9 ст. 132 УПК РФ о том, что процессуальные издержки по уголовным делам частного обвинения должны быть взысканы с частного обвинителя в том случае, если был вынесен оправдательный приговор [52].

Тем не менее, поскольку применение норм главы 18 УПК РФ возможно лишь при причинении вреда государственными органами и должностными лицами, по уголовным делам частного обвинения реабилитированное лицо может возмещать имущественный вред в случае, если вред был причинен частным обвинителем, только в порядке гражданского судопроизводства.

Таким образом, были изучены и рассмотрены особенности реабилитации лиц по уголовным делам частного обвинения, а также сформированы и выдвинуты проблемы, стоящие перед уголовно-процессуальным порядком реабилитации по указанным уголовным делам.

Глава 3 Совершенствование института реабилитации в уголовном судопроизводстве

3.1 Меры совершенствования института реабилитации в уголовном судопроизводстве

В ходе настоящего исследования была выявлена одна из проблем института реабилитации в уголовном судопроизводстве – формальное основание для отказа в реабилитации в том случае, если «в приговоре или определении суда не было указано о возникновении такого права у реабилитированного» [8].

На основании ст. 306 УПК РФ в резолютивной части приговора обязательно должен быть «разъяснен порядок возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием» [52]. Поскольку данный тезис включает в себя и признание права на реабилитацию, можно прийти к выводу, что данное указание входит в обязательства соответствующего судебного органа, принимающего решение, и в случае, если данного указания нет, данное упущение может и должно быть решено в суде апелляционной инстанции. При этом остается неясным возможно ли устранение данной проблемы в судах выше апелляционной – кассационной или надзорной инстанции – поскольку после вступления оправдательного приговора в силу подобную ошибку не представляется возможным отнести к разряду значительных и влияющих на исход дела.

По нашему мнению, в случае, если суд допустил подобную ошибку и не указал о возникновении права на реабилитацию, это не может влиять на получение подобного права у оправданного лица, поскольку подобная ошибка относится к невыполнению уголовно-процессуальных требований и буквы закона. Так, поскольку суды при реабилитации лиц восстанавливают реабилитированных в их правах, включая имущественные, неимущественные, куда входят трудовые, пенсионные и прочие права, то и восстановить

оправданное лицо в праве на реабилитацию при наличии на то оснований тоже должны быть уполномочены, так как фактически указанные восстановления прав относятся к одному и тому же делу.

«Поскольку компенсация полученного ущерба реабилитированным лицом в процессе реабилитации характеризуется самостоятельностью реабилитированного в реализации своих прав, то есть диспозитивностью» [33], думаем, что возникновение самого права на реабилитацию не должно коррелировать с тем, будет ли реабилитированное лицо реализовывать свои права или нет.

Предлагаем с целью недопущения подобных судебных ошибок изложить ст. 397 УПК РФ в п. 1 иначе: «о признании права на реабилитацию, возмещении вреда реабилитированному, восстановлении его трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав в соответствии с частью пятой статьи 135 и частью первой статьи 138 настоящего Кодекса».

Вторым проблемным аспектом по теме исследования было определение имущественного вреда и его границ. Так, одной из сторон в возмещении имущественного вреда является возмещение упущенной выгоды.

Как уже говорилось ранее, возмещение имущественного вреда в виде неполучения заработной платы в случае, если реабилитированный не работал, в большей степени судами не производится, хотя существуют и противоположные судебные решения. Однако необходимо учитывать, что при применении процессуальных мер принуждения в ходе предварительного расследования лицо, будучи стесненным в свободе передвижения и подвергнутым ограничениям, теряет возможность трудоустроиться.

Для приведения судебной практики к единому образу по данному вопросу необходимо законодательное оформление порядка исчисления неполученной заработной платы тем лицам, которые не были трудоустроены, если они были привлечены к уголовной ответственности незаконно. Так, в ч.1 ст. 135 УПК РФ перечислен круг объектов, относящихся к имущественному вреду реабилитированного и подлежащих возмещению [52]. По нашему

мнению, необходимо расширить данный перечень, указав дополнительный подпункт в ч. 1 ст. 135 УПК РФ, который бы выглядел, с учетом применения ч. 4 ст. 1086 ГК РФ, следующим образом: «заработок до увольнения либо обычный размер вознаграждения работника его квалификации в данной местности, но не менее установленной в соответствии с законом величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации в случае, если реабилитированное лицо на момент причинения вреда не работало». Представляется, что реабилитированный самостоятельно сможет выбирать между положениями данного пункта при выборе исчисления.

Необходимо отметить, что ранее в Инструкции по применению Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, утвержденной 02.03.1982, действовали такие законодательные нормы как пп. 1, 3 п. 9 и абзацы 1, 2 к этому же пункту [13]. На сегодняшний день они признаны недействительными, однако нам представляется, что пп. 3 п. 9 необходимо ввести в действие в следующей формулировке: «для других граждан, не относящихся к категории рабочих и служащих, путем деления на 12 суммы годового дохода за предшествующий год, но не менее установленной в соответствии с законом величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации».

Следующим проблемным аспектом в возмещении имущественного вреда реабилитированному является изъятие, но не конфискация, имущества в ходе предварительного расследования.

Для того, чтобы реабилитированное лицо было полностью восстановлено в своих правах, необходимо законодательное оформление компенсирования ущерба, нанесенного органами предварительного расследования путем изъятия его имущества. С этой целью представляется необходимым внести изменения в ст. 135 УПК РФ. На данный момент п. 2 ч. 1

звучит следующим образом: «конфискованного или обращенного в доход государства на основании приговора или решения суда его имущества» [52]. На наш взгляд, данный пункт необходимо дополнить следующими словами: «...а также арестованное либо изъятое органами предварительного расследования имущество».

Третьим проблемным аспектом в возмещении имущественного вреда реабилитированному лицу является возмещение иных расходов. Поскольку данная категория расходов содержит в себе достаточно широкий перечень конкретизированных расходов, уточнение путем изменения уголовно-процессуальной буквы закона не представляется возможным. Для разрешения правовых коллизий и приведения к единой судебной практике по данному вопросу необходима разработка регламента, на основании которого суды в ходе судебного разбирательства будут иметь возможность разграничивать необходимые иные расходы и излишние расходы, не подлежащие возмещению.

Как уже говорилось ранее, «принесение официальных извинений прокурором является обязательным действием при реабилитации лица. Данное требование согласуется с буквой закона, поскольку именно прокурор является государственным обвинителем на стадии судебного разбирательства» [2]. Однако видится, что правовую норму, указанную в уголовно-процессуальном законодательстве, необходимо расширить. Так, возмещение морального вреда будет в большей степени эффективным, если принесение официальных извинений будет осуществлять тот прокурор, который выдвинул и поддерживал государственное обвинение.

Кроме того, необходимо учитывать, что при уголовных делах, подлежащих предварительному расследованию в форме дознания, прокурор имеет распорядительно-властные функции. Так, прокурор может значительно менять ход расследования путем изменения обвинения. Однако того же нельзя сказать об уголовных делах, подлежащих предварительному следствию, так как в этом случае значительно влиять на ход дела могут только руководитель

следственного органа и следователь. Несомненно, что по окончании предварительного следствия прокурор выступает как государственный обвинитель, однако уголовное дело может быть прекращено на стадии предварительного следствия, так и не дойдя до суда и прокурора. Наибольшее причинение морального вреда впоследствии реабилитированному в таком случае осуществляет следователь. Таким образом, необходимо расширение норм, указанных в ч. 1 ст. 136 УПК РФ, которую необходимо изложить следующим образом: «прокурор от имени государства приносит официальное извинение реабилитированному за причиненный ему вред, а в случае, если уголовное дело было прекращено на стадии предварительного расследования в форме следствия, принесение извинений возлагается на руководителя следственного органа, которое осуществляло предварительное следствие по данному уголовному делу».

Компенсация за причинение морального вреда, как было выявлено ранее, осуществляется в порядке гражданского судопроизводства, что противоречит упрощенному порядку реабилитации. Для разрешения данной проблемы необходимо внедрение возмещения ущерба, полученного в результате получения морального вреда, в уголовно-процессуальное законодательство. В случае, если возмещение морального вреда будет осуществляться на основании уголовно-процессуального законодательства, а не гражданского, защита прав и интересов реабилитированных будет осуществляться наиболее лучшим способом, поскольку это снимет с бремени реабилитированного обязательства по доказыванию на общих основаниях в порядке гражданского судопроизводства размера полученного им морального вреда. Для разрешения указанной проблемы ч. 2 ст. 136 УПК РФ необходимо разъяснить следующим образом: «Реабилитированный вправе предъявлять иски о компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении. Размер такой компенсации определяется судом».

Еще одной проблемой в реабилитации является восстановление иных прав в процессе реабилитации. Было выявлено, что существует

законодательная коллизия между уголовно-процессуальным и гражданским законодательством. Представляется, что рассмотрение подобных дел в порядке гражданского процесса должно быть минимизировано, поскольку для реабилитированного лица преимущество стоит на стороне восстановления прав в порядке уголовно-процессуального законодательства на основании ст. 399 УПК РФ. Для того, чтобы суды необоснованно не оставляли требования без рассмотрения, необходимо законодательно укрепить порядок восстановления иных прав в порядке уголовного судопроизводства. Так, для разрешения правовой коллизии между уголовно-процессуальным и гражданским законодательством норму, указанную в ч. 1 ст. 136 УПК РФ «если требование о возмещении вреда судом не удовлетворено или реабилитированный не согласен с принятым судебным решением, то он вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства» необходимо сформулировать следующим образом: «в части требований, которые оставлены судом без рассмотрения в порядке, установленном статьей 399 УПК РФ, реабилитированный вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства».

По уголовным делам частного обвинения в том случае, если ущерб был нанесен государственными органами, возмещается в том же порядке, что и при уголовных делах публичного обвинения. Однако в тех случаях, когда вред причинил сам истец, компенсация ущерба выполняется только в порядке гражданского процесса, что влечет за собой нарушение прав реабилитированного лица, поскольку ему приходится восстанавливать свои права в общем порядке, а не в упрощенном, который предполагает глава 18 УПК РФ.

Поскольку перечень реабилитирующих оснований по делам частного обвинения, фактически, не определен, представляется необходимым относить отказ частного обвинителя от обвинения к таким основаниям. Ранее в УПК РФ действовало данное основание, однако впоследствии оно было исключено из уголовно-процессуального законодательства, поскольку все действие главы 18

УПК РФ относится к действиям государственных органов, к коим частный обвинитель не относится. Однако данная мысль представляется разумной ввиду того, что отказ от обвинения должен влечь за собой и восстановление нарушенных прав обвиняемого.

Ввиду этого по уголовным делам частного обвинения должны быть выделены следующие основания для реабилитации:

- непричастность подозреваемого или обвиняемого к самому преступлению;
- отсутствие события преступления;
- отсутствие в деянии состава преступления;
- неявка частного обвинителя в судебное заседание без уважительных причин;
- отказ частного обвинителя от обвинения.

Неявка истца в суд отнесена к таковым основаниям ввиду того, что подобное визуализирует отсутствие заинтересованности у обвинителя в защите своих прав, если, конечно, подобная неявка была совершена без уважительной причины.

Таким образом, были разобраны проблемы, возникающие при реабилитации лиц в уголовном судопроизводстве, и предложены меры по законодательным изменениям, способствующие полноценной и эффективной защите и восстановлению прав реабилитированных лиц.

3.2 Практика возмещения вреда реабилитированным судами и пути ее совершенствования

Возмещение вреда, причиненного реабилитированному лицу, производится на основании двух видов судопроизводств – «гражданского и уголовного – с учетом иных нормативно-правовых актов, регулирующих данную сферу деятельности» [2].

При этом необходимо помнить, что компенсация полученного вреда производится только в том случае, если реабилитированный изъявил такое желание и подал соответствующее требование. Иначе говоря, «существование указанных нормативно-правовых актов еще не означает, что они всегда и неукоснительно исполняются применительно к каждому реабилитированному» [46].

Можно сказать, что реализация возмещения полученного вреда в ходе необоснованного уголовного преследования обуславливается следующими структурными деталями:

- деятельность государственных органов и должностных лиц, наделенных соответствующими нормативно-правовыми актами полномочиями по компенсированию полученного реабилитированными ущерба;
- стандартизированные законодательные предписания в виде постановлений, определений и прочих, приводящие правоприменительную практику к единообразию в целях наиболее эффективного осуществления компенсации вреда;
- деятельность самих реабилитированных по осуществлению своего права на реабилитацию и возмещение полученного вреда.

Поскольку возмещение вреда в рамках института реабилитации производится за счет финансовых средств государства, то и в интересах самого государства наиболее быстро и точно производить компенсирование вреда, полученного реабилитированным, ввиду увеличения шансов на дополнительные затраты.

Примером может послужить Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2010 года № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 242.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» [35].

Сущность дела заключалась в следующем – Демидкину И.Г. 5 июня 1981 года «было предъявлено обвинение в преступлении, предусмотренном уголовным законодательством. 8 июля 1991 года обвиняемый скончался, а после его смерти – 4 сентября 1992 года – уголовное дело было прекращено в связи с отсутствием состава преступления.

Его вдова, Демидкина Г.М., подала требование о компенсации вреда, полученного в связи с незаконным уголовным преследованием, которое было удовлетворено лишь частично, а именно были возвращены затраты на юридическую помощь и утраченная заработная плата» [35]. Изъятые в ходе следствия денежные средства так и не были возвращены, при этом подлежали они выплате с учетом инфляции.

Произошла следующая ситуация – прокурор выдал Демидкиной постановление, с которым она обратилась в суд, и на основании, которого суд вынес исполнительный лист о взыскании указанных денежных средств. Министерство финансов РФ вернуло данный исполнительный лист и потребовало судебный акт, на основании которого был выдан этот лист, одновременно обратившись с надзорной жалобой в вышестоящий суд. Надзорная жалоба была удовлетворена и исполнительный лист, выданный судом первой инстанции, был отменен.

Сущность данного спора заключалась в том, что в предыдущих редакциях в ч. 2 ст. 135 УПК РФ не было обязательного обращения в суд, по смыслу закона можно было обратиться в орган, вынесший постановление о прекращении уголовного дела, то есть в данном случае к прокурору, а финансовый орган с этим не согласился [52]. Данное законодательное несоответствие уже исправлено, однако в данном деле интересно другое – индексирование сумм полученного имущественного ущерба.

Данная позиция полностью соответствует нормам процессуального права и приводит к выводу, что в случае, если в течение долгого времени не исполняются судебные решения по возмещению вреда реабилитированным,

возрастают издержки по данным выплатам, что влечет за собой нарушение государственных интересов.

Для минимизации государственного ущерба необходимо выявлять причины, по которым производится длительное неисполнение и отсрочка судебных решений. Одной из проблем, как показывает судебная практика, является неопределенность в отношении органа, который должен возмещать полученный вред.

Так, Усть-Джегутинский районный суд Карачаево-Черкесской республики в 2008 году признал невиновным гражданина Н., который после, в 2009 году, обратился в суд с требованием о возмещении полученного вреда. Требование было адресовано Министерству финансов РФ. Однако Министерство финансов, в свою очередь, не согласилось с требованиями и указало, что гражданину Н. необходимо предъявлять требования к Министерству внутренних дел Карачаево-Черкесской республики [41].

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении для уменьшения судебных ошибок указал, что именно Министерство финансов должно возмещать полученный вред реабилитированному, однако в настоящее время в самом уголовно-процессуальном законе таких норм нет [39]. Можно сказать, что ответчик по данному делу определен, однако лишь в иных нормативно-правовых актах, отличных от уголовно-процессуального закона.

Для разрешения указанной проблемы представляется необходимым введение в уголовно-процессуальное законодательство определенного ответчика по компенсации вреда. Так, в ст. 134 УПК РФ можно было бы добавить строки о том, что компенсация полученного вреда производится за счет казны государства, исключая случаи причинения ущерба частным обвинителем.

Некоторая судебная практика раскрывает другой проблемный аспект реабилитации – возмещение расходов на защитника, понесенных не самим реабилитированным, а другим лицом. Примером служит Определение

Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 21 января 2009 года по делу № 5-О08-276 [29].

Гражданин Х. был оправдан в 2008 году Московским городским судом по уголовному делу, после чего он обратился с требованием о компенсации полученного ущерба, куда входили расходы на юридическую помощь в размере 200000 рублей, однако ввиду того, что данные траты совершал не он, а его близкий родственник – мать – Московский городской суд данные расходы не возместил.

Впоследствии гражданин Х. обратился в суд кассационной инстанции по указанному вопросу, который, в свою очередь, отменил постановление суда первой инстанции и отправил дело на пересмотр.

Отказ в возмещении указанной категории расходов противоречит уголовно-процессуальному законодательству, поскольку ст. 50 УПК РФ гласит о том, что подозреваемый или обвиняемый в своем праве пригласить защитника как самолично, так и с помощью третьих лиц [52]. Отказ в расходах на юридическую помощь только вследствие того, что данные расходы совершало не само реабилитированное лицо, является неправомерным как минимум в силу диспозиции данной статьи.

Кроме того, в указанном постановлении Московского городского суда не учитывалось то, что сам гражданин Х. находился под стражей, и, соответственно, привлечение «к уголовному делу коммерческого защитника было совершено матерью Х. только ввиду того, что сам Х. не имел возможности подобрать подходящего, интересующего его защитника» [29].

Также в силу возможности совершения расходов третьим лицом свидетельствует и ст. 25 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [59].

В данной ситуации бремя доказывания о том, что мать действовала в интересах сына, не должно возлагаться на реабилитированного, однако необходимо, чтобы были выполнены определенные условия.

Так, для разрешения подобных спорных моментов Конституционный Суд РФ в своем Определении от 5 февраля 2015 года № 290-О указал, что возмещение данных расходов возможно только в тех случаях, когда они были совершены по заданию обвиняемого, из его собственных средств или же уплачены с согласия обвиняемого с обязательным подтверждением о будущем возврате [26].

Исходя из смысла данного Определения выходит, что реабилитированному впоследствии будет необходимо доказать факт того, что третьи лица действовали по его поручению. Кроме того, реабилитированному либо до начала уголовного преследования необходимо было иметь необходимые суммы для юридической помощи, либо же обязательно должно происходить документирование передачи денежных средств третьих лиц реабилитированному. В противном случае, данные расходы возмещению не подлежат.

Можно сказать, что данная норма противоречит уголовно-процессуальному законодательству, так как возникает ситуация, когда реабилитированный до начала уголовного преследования должен был быть готов к этому преследованию заранее, накопив необходимую сумму и совершив документальные подтверждения его поручений и/или расписок.

Отдельного внимания заслуживает такой документ как Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2015 года № 708-О/2015. Указанный документ регулирует вопросы при возмещении имущественного вреда реабилитированному лицу [27].

Указано, что не реабилитированный должен доказывать размеры и объемы понесенных затрат, а суды. Кроме того, судам необходимо отталкиваться от максимального возможного размера возмещения вреда, и в случае, если в ходе доказывания такого размера появляется неуверенность, то толковать стоит в пользу реабилитированного.

Также указано, что к обязательному возмещению подлежат такие траты, как расходы на юридическую помощь, и в данном случае бремя доказывания также возлагается на суд.

Однако в данном документе есть следующие строки: «если судом будет установлено (на основании документов, заключений экспертов, специалистов), что заявленная сумма понесенных расходов не обусловлена действительной стоимостью юридических услуг в пределах, существовавших на момент оказания ее рыночных значений, он присуждает к возмещению лишь сумму, являющуюся, ...объективно необходимой и достаточной в данных конкретных условиях для оплаты собственно юридической помощи» [27].

Можно заметить, что данное положение перекликается с нормами гражданского законодательства. При этом присутствует несоответствие процессуальному праву. Так, уголовно-процессуальное законодательство гласит, что «в случае, если в международном договоре есть отличные от российского законодательства положения, за исключением Конституции РФ, то и применяться должны эти международные договоры» [52]. Международным документом, который регулировал данный вопрос, была Конвенция о защите прав человека и основных свобод, в которой указывался принцип справедливости компенсации [14]. Однако с 16 сентября 2022 года Российская Федерация не является участником Европейской конвенции по правам человека, в связи с чем иных международных договоров, которыми бы можно было регулировать данный вопрос, более нет.

Следовательно, необходимо применение российского уголовного процесса, в котором указаны нормы о возмещении максимально возможного полученного ущерба, так как возмещение должно производиться в полном объеме.

Проблема применения указанной нормы заключается в том, что определение реального размера понесенных затрат на юридическую помощь возможно только в том случае, если существуют определенные критерии для

определения действительной стоимости. Стоимость оказания юридической помощи значительно разнится от региона и известности юриста. Возможны ситуации, когда в случае обращения за юридической помощью к известному адвокату в Москве стоимость понесенных затрат может быть существенно изменена в меньшую сторону.

Кроме того, не разрешен вопрос кто именно должен осуществлять данное определение. Так, неясно, должен ли суд определять реальную стоимость юридических услуг или указанные требования должны быть возложены на кого-либо еще.

Примером проблемного применения указанного Определения Конституционного Суда РФ может послужить Определение Верховного Суда РФ от 28 октября 2024 года № 4-КГ24-51-К1 [24]. Айвазян А.С. был грубо задержан сотрудниками правоохранительных органов 6 марта 2019 года, вследствие чего потерял 6 зубов и приобрел диагноз «тугоухость». 18 марта 2020 года был признан виновным судом первой инстанции по совокупности 3 преступлений, однако впоследствии 30 сентября 2021 года был признан виновным по 2 из 3 преступлений, в связи с чем по одному составу преступления был признан невиновным и ему было предоставлено право на реабилитацию.

Впоследствии Айвазян А.С. подал требование о возмещении полученного вреда, в том числе имущественного, где к числу расходов на представителя было требование о 50000 рублей. Суд первой инстанции постановил о возмещении расходов по данной категории в размере 15000 рублей, так как счел, что данная сумма складывается ввиду уровня сложности дела и принципа разумности. Суд апелляционной инстанции с доводами не согласился и определил возместить расходы в размере 35000 рублей, так как оценил такие критерии как объем проделанной работы, количество заседаний в суде и прочее. Верховный Суд РФ с доводами апелляционной инстанции в данной части согласился, однако тем не менее апелляционное определение

было отменено и отправлено на пересмотр в связи с несогласием о расчете в возмещении морального вреда.

Вопросы возмещения морального вреда также остро стоят перед правоприменительной судебной практикой. Так, «Судебная Коллегия Третьего Кассационного Суда общей юрисдикции в своем Определении от 22 февраля 2023 года по делу № 8 Г-2426/2023 указала на те признаки, на которые следует опираться суду при определении размера морального вреда» [31].

В частности, Конституционный Суд указывает на такие признаки как «возникновение заболеваний в период незаконного лишения истца свободы, его эмоциональных страданий в результате нарушений со стороны государственных органов и должностных лиц прав и свобод человека и гражданина, в испытываемом унижении достоинства истца как добросовестного и законопослушного гражданина, ином дискомфортном состоянии, связанном с ограничением прав истца..., лишением возможности общаться с родственниками и оказывать им помощь, распространением и обсуждением в обществе информации о привлечении лица к уголовной или административной ответственности, потерей работы и затруднениями в трудоустройстве...» [31].

Опираясь на вышеизложенное Определение и иную судебную практику, можно выделить следующие критерии для определения размера в денежном выражении причинённого морального вреда, на которые должны опираться суды:

- сами действия причинителя вреда. Моральный вред может быть нанесен как самим фактом уголовного преследования, так и иными действиями, как, например, побой при задержании, вследствие чего необходимо оценивать все действия в совокупности;
- количество и уровень страданий, нанесенных нелигитимным уголовным преследованием, включая все аспекты жизни реабилитированного, которым был нанесен вред;

- принципы разумности и справедливости денежного эквивалента морального вреда.

Можно заметить, что судебная практика по возмещению морального вреда сильно разнится друг с другом ввиду того, что нет единого образца в уголовно-процессуальном законодательстве о том, каким образом необходимо исчислять в денежном эквиваленте моральный вред, а количество пояснений вышестоящих судов также подтверждают это.

Сложность определения денежного размера морального вреда заключается в том, что в каждом отдельном случае моральный вред наносится отлично друг от друга, поскольку последствия для каждого реабилитированного разные. Кроме того, моральный вред в одном и том же деле двум реабилитированным может быть исчислен в разных размерах, поскольку и причиненные страдания могут отличаться. Из всего этого можно сделать вывод о том, что такая категория как «моральный вред» является сугубо личностным и индивидуальным критерием, а, значит, и выведение какой-либо общей формулы применительно ко всем реабилитированным не представляется возможным.

Для приведения судебной практики к единому образу представляется необходимым ввести в законодательство такое понятие как минимальный предел компенсации морального ущерба, например, из расчета определенной суммы за каждый день уголовного преследования. Так, подобное нововведение будет способствовать уверенности реабилитированных в том, что они будут иметь возможность компенсировать моральный вред в конкретной законодательно исчисляемой сумме.

Таким образом, была изучена и проанализирована судебная практика на тему возмещения вреда реабилитированному лицу, включая имущественные права и моральный вред, и определены проблемы судебной практики, встречающиеся на данную тематику.

Заключение

В ходе проведения данного исследования автором были выполнены цель и задачи, стоящие перед ним. Были проанализированы теоретические и законодательные основы функционирования института реабилитации, изучен его процессуальный механизм и определены проблемы, стоящие перед институтом реабилитации, а также предложены меры к их устранению. Проведенный анализ выявил острую необходимость во внесении изменений в текущий процесс реабилитации законодателем.

Совершенный анализ в ходе проведения данного исследования позволил сформировать следующие итоги:

- представления, сформированные в научной среде, а также нормативно-правовые акты, регулирующие сферу реабилитации в уголовном судопроизводстве, приводят к выводу, что процесс реабилитации представляет собой комплексную многогранную систему, затрагивающую как уголовный, так и гражданский процесс. Сущность института реабилитации заключается в принятии процессуального документа, снимающего обвинение с лица, а также в восстановлении причиненного ущерба;
- в институте реабилитации имеются два основания для его применения. Первым основанием является фактическое, то есть сама уголовно-процессуальная деятельность по осуществлению уголовного преследования. Вторым является юридическое основание – процессуальный документ, снимающий с лица обвинение. Кроме того, в реабилитации присутствует условие, состоящее признание за лицом права на реабилитацию;
- в ходе исследования были изучены проблемы института реабилитации и причины, их вызывающие. Так, было выявлено, что наибольший ущерб системе применения института реабилитации наносит разрозненность правовых норм в действующем

законодательстве. В их число входят такие причины, как отсутствие единой судебной практики по компенсации имущественного вреда, включая упущенную выгоду, отсутствие единообразия в определении размеров причиненного морального вреда, смешение норм уголовного и гражданского процесса;

- по уголовным делам частного обвинения процедура восстановления прав производится в том же порядке, что и по делам публичного обвинения, только в том случае, если ущерб был нанесен соответствующими государственными органами или должностными лицами, в противном же случае компенсация полученного ущерба производится с частного обвинителя в порядке гражданского судопроизводства.

Сформированные в ходе настоящего исследования предложения по выявленным проблемам института реабилитации могут способствовать для дальнейшего изучения в юридической науке и модернизации института реабилитации в уголовном судопроизводстве.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционное постановление суда Ямало-Ненецкого автономного округа № 22-470/2020 от 29.06.2020.
2. Бажанов А.В. Возмещение имущественного вреда реабилитированному в уголовном судопроизводстве: диссертация канд. юрид. наук. 2011, С. 68.
3. Безлепкин Б.Т. Судебно-правовая защита прав и свобод граждан в отношениях с государственными органами и должностными лицами. – М.: ЮрИнфоР, 1997.
4. Бойцова Л.В. Возмещение ущерба «жертвам правосудия» в России – М.: ЮрВак, 1994.
5. Владимирова В.В. Компенсация морального вреда – мера реабилитации потерпевшего в российском уголовном процессе. М., 2007. С. 17.
6. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) – М.: Эксмо, 2023.
7. Ганиев Т.Г., Ульянкина М.В. К вопросу о возмещении имущественного вреда в рамках института реабилитации в уголовном процессе // Академический вестник, 2014. № 3 (29). С. 167.
8. Глыбина А.Н. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе РФ: дисс. канд.юрид. наук. – Томск, 2006.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред от 08.08.2024).
10. Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025).
11. Елагина А.А. Практика реабилитации // Мировой судья. 2013. № 7. С. 2-6.
12. Зинькевич В.В. Актуальные проблемы охраны прав личности в советском уголовном судопроизводстве. – Свердловск, 1989.

13. Инструкция по применению Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (с изм. от 19.07.2011) (утв. Минюстом СССР, Прокуратурой СССР, Минфином СССР 02.03.1982).

14. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013).

15. Конституция Российской Федерации (принята 12.12.1993 в ред. от 14.03.2020) – М.: АСТ, 2024.

16. Конституция Союза Советских Социалистических Республик (принята 07.10.1977) – М.: 2018.

17. Крыленко И. В. Ленин о суде и уголовной политике. К десятилетию со дня смерти. – М., 1934.

18. Кусиков А. Реабилитация трудящегося при прекращении уголовного дела – М.: Еженедельник советской юстиции, 1926.

19. Мартынова Е.Е. Проблемы реабилитации в уголовном судопроизводстве по делам частного обвинения // Юридический факт, 2025. № 244. С. 19-23.

20. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) – М.: Эксмо, 2024.

21. Миролюбов Н.И. Реабилитация как специальный правовой институт. – Казань, 1902.

22. Определение Верховного Суда РФ от 15.12.2002 № 38-О02-43 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2004. № 1. С. 19.

23. Определение Верховного Суда РФ от 17.05.2022 по делу № 13-КГ22-2-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

24. Определение Верховного Суда РФ от 28.10.2024 № 4-КГ24-51-К1.

25. Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 1057-О «По жалобе гражданина Столбунца Станислава Петровича на нарушение его

конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации».

26. Определение Конституционного Суда РФ от 05.02.2015 № 290-О «По жалобе гражданина Келяева Ислама Абдулжалиловича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

27. Определение Конституционного Суда РФ от 02.04.2015 № 708-О «По запросу Сюзунского районного суда Удмуртской Республики о проверке конституционности положений п. 4 и 5 ч. 1 ст. 135 УПК РФ».

28. Определение Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 256-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ихсанова Миннислама Хазиевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 135, частью второй статьи 136 и частью первой статьи 138 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

29. Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 21.01.2009 по делу № 5-О08-276.

30. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.02.2010 г. № 78-О10-9.

31. Определение Судебной Коллегии Третьего Кассационного Суда общей юрисдикции от 22.02.2023 года по делу № 8 Г-2426/2023.

32. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 04.02.2020 по делу № 88-2127/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

33. Орлова А.А. Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы ее реализации в российском уголовном процессе: автореф. докт. юрид. наук. – М., 2013.

34. Подопригора А.А Реабилитация в уголовном процессе: дисс. канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2004.

35. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2010 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 242.1 Бюджетного

кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации».

36. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко» // СПС «КонсультантПлюс».

37. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2017 № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко».

38. Постановление Конституционного Суда от 23.09.2021 № 41-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П. Атрощенко».

39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 (ред. от 28.06.2022) «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве».

40. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 17.04.2013 № 328-П12ПР // СПС «Гарант».

41. Постановление Усть-Джегутинского районного суда Карачаево-Черкесской республики от 06.05.2009 по делу № 2-148/2009.

42. Приговор Димитровградского городского суда Ульяновской области от 16.01.2019 по делу № 1-358/2018.

43. Решение Индустриального районного суда г. Хабаровска от 13.06.2019 по делу № 2 135/2019.

44. Решение Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики от 30.10.2018 по делу № 2-4241/2018.

45. Розин Н.Н. О вознаграждении лиц, невинно привлеченных к уголовному суду. – Журнал Министерства юстиции, 1897.
46. Сидоренко М.В. Возмещение вреда в системе института реабилитации и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Вестн. Томского гос. ун-та. Сер. Право. 2017. № 21. С. 112.
47. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований.– М.: Полиграфресурсы, 2022.
48. Скобычкина Н. Р. Возмещение вреда, причинённого федеральными государственными органами, а также их должностными лицами : авторсф. дис. канд. наук. – Екатеринбург, 2007.
49. Тальберг Т.Г. Русское уголовное судопроизводство. – М.: ARCHIVE PUBLICA, 2022.
50. Трунова Л.К. Компенсации морального вреда // Современное право. 2001. № 3. С. 30.
51. Уголовный кодекс Российской Федерации от 16.06.1996 № 63-ФЗ (последняя редакция).
52. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024).
53. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 б/н.
54. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. – М.: СДК; Хит-книга, 2022.
55. Федеральный закон от 29.05.2002 № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (принят Государственной Думой 26.04.2002).
56. Федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (принят Государственной Думой 21.06.2003).
57. Федеральный закон от 05.05.2007 № 87-ФЗ (ред. от 29.10.2010) «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс

Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (принят Государственной Думой 11.05.2007).

58. Федеральный закон от 05.04.2013 № 54-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (принят Государственной Думой 12.03.2013).

59. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (последняя редакция).

60. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 (последняя редакция).

61. Шалумов М.С., Шалумова Н.Э. Реабилитация по делам частного обвинения. // Уголовный процесс. 2008. № 10. С. 54.

62. Forsberg, L., Douglas, T. What is Criminal Rehabilitation? - Criminal Law, Philosophy 16, 103-126, 2022.

63. J. Lowe. Oxford Dictionary of Law – Oxford University press, 2022.

64. The Merriam Webster Dictionary. New Edition – Springfield, Massachusetts, USA: Merriam-Webster, 2019.

65. Ted Honderich, Punishment. The Supposed Justifications Revisited - London: Pluto Press, 2006.

66. Steven A. Krieger. Why our justice system convicts innocent people, and the challenges faced by innocence projects trying to exonerate them – New Criminal Law Review, 2011.